

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

ФОРУМ

2018. № 2 (2)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasil'eva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasil'ev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignat'eva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, Ph.D, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.N., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Самотик Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Samotik L.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспшак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша).
Tyshkovska-Kaspshak Elzbieta, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ YAZYKOZNIANIE

Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА «ЛЮБОВЬ»
В ЯЗЫКЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
«РАССКАЗОВ СИБИРЯКА»
В.И. СОКОЛОВСКОГО
N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva
AXIOLOGICAL «LOVE» DOMINANT
IN THE NARRATOR'S LANGUAGE
OF «SIBERIAN'S STORIES» BY V.I. SOKOLOVSKY
[4]

Н.А. Румеус
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ЖАРГОНА АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ:
К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ
ЖАРГОНИЗМОВ
N.A. Rumeus
NATIONAL-CULTURAL SPECIFIC CHARACTER
OF AUTO-ENTHUSIASTS' JARGON:
REGARDING THE WAYS
OF JARGONISMS FORMATION
[12]

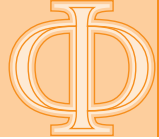
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERATUROVEDENIE

А. Борковска (Седльце, Польша)
ДЕГРАДАЦИЯ СЕМЬИ В РОМАНЕ
В.П. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»
И РОМАНЕ Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»
A. Borkowska (Siedlce, Poland)
DEGRADATION OF FAMILY
IN «SAD DETECTIVE» BY VICTOR ASTAF'EV
AND «THE ELTYSHEVS» BY ROMAN SENCHIN
[21]

В.М. Гревнев
МЕНТАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ
В ЭПОХУ КРИЗИСА
(ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИИ:
ПРОВИДЦЫ, ПРОТАГОНИСТЫ, ЖЕРТВЫ)
V.M. Grevnev
MENTAL MATRICES OF RUSSIAN CULTURE
AND THEIR BEHAVIOURAL SCENARIOS
DURING THE TIMES OF CRISIS
(POETS OF THE REVOLUTION:
PREDICTORS, PROTAGONISTS, VICTIMS)
[31]

О.А. Глушенкова
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА
В СОВЕТСКОМ МЕНТАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛА
«БЫТИЕ К СМЕРТИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ А. ПЛАТОНОВА)
O.A. Glushenkova
DECONSTRUCTION OF LANGUAGE
IN THE SOVIET MENTAL SPACE
IN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL
«BEING TO DEATH» (BASED ON THE MATERIAL
OF TEXTS BY A. PLATONOV)
[41]

Т.А. Загидулина
ОБРАЗ ЛЕТЧИКА
В САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ИЛЬФА
И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»)
T.A. Zagidulina
THE IMAGE OF THE PILOT
IN THE SATIRICAL LITERATURE
OF THE 1930S
(ON THE BASIS OF THE MATERIAL
OF THE NOVEL «THE GOLDEN CALF»
BY I. ILF AND E. PETROV)
[49]

УДК 81

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА «ЛЮБОВЬ» В ЯЗЫКЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «РАССКАЗОВ СИБИРЯКА» В.И. СОКОЛОВСКОГО

Н.А. Бурмакина, Т.В. Мамаева (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье анализируется ценностное понятие ЛЮБОВЬ в языковой картине мира рассказчика. Источником исследования служит произведение поэта XIX века Владимира Игнатьевича Соколовского (1808–1839) «Рассказы сибиряка». Незаурядный поэт, журналист и писатель XIX века, Владимир Игнатьевич Соколовский был современником А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского Н.П. Огарева, А.И. Герцена. Язык произведений В.И. Соколовского дает возможность выявить яркую личность поэта. Объектом нашего исследования являются языковой образ рассказчика в произведении «Рассказы сибиряка», его индивидуально-авторская картина мира. В «Рассказах...» возникает две сюжетных линии, искусно переплетенных в произведении. Одна статична, основана на описании душевных переживаний героя; другая повествует о зарождении шагямунианской веры и о жизненных перипетиях поэта.

Цель данной работы: выявление ценностных доминант лексемы ЛЮБОВЬ в языке повествователя.

Для выявления аксиологических доминант, ценностных смыслов мы применяем метод сплошной выборки: из текста «Рассказов сибиряка» было выделено 50 ключевых слов с их вербализованными вариантами; путем подсчета их частотности среди выбранных ключевых слов выделились четыре ценностных понятия: БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

В результате анализа выявлены парадигматические, ассоциативные отношения вербализованных единиц ценности ЛЮБОВЬ. Мы пришли к следующему выводу: в языковой картине мира повествователя лексема ЛЮБОВЬ (всего 51 вербализованная единица) употребляется в следующем компонентном составе: чувство привязанности, симпатии, расположения; чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола; склонность, расположение, пристрастие к чему-н.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистический анализ текста, лексико-семантическое поле, компонентный анализ, стилистика художественного текста, идиоматика.

В.И. Соколовский, являясь современником великого А.С. Пушкина, поэтов Е.А. Баратынского Н.П. Огарева, видного публициста, писателя и философа А.И. Герцена, не только не потерялся среди громких имен, но активно и много публиковался на страницах печатных изданий своего времени. Исследователи творчества В.И. Соколовского относят его к поэтам «второго ряда» по сравнению с А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, М.Ю. Лермонтовым, но отмечают, что его произведения «не утратили своего значения». В них он обращается к «высоким философским категориям, к библейским материалам, воплощая их в художественных образах» [Соколовский, 2001, с. 6].

Незаурядная личность В.И. Соколовского, которой являлся поэт, ярко воплощена в языке его произведений. Исследование языка В.И. Соколовского – это путь к познанию его личности.

Выбрав в качестве объекта исследования языковой образ рассказчика в произведении, мы столкнулись с проблемой его идентификации с самим писателем, решить которую помогла статья И.В. Башковой «Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира». В ней автор высказывает важную для решения нашей проблемы мысль о том, что «художественные произведения – это самые значимые текстовые проявления языковой личности писателя, и если тексты в той или иной мере автобиографичны, то писатель сознательно эксплицирует свойства своей языковой личности» [Башкова, 2015, с. 112].

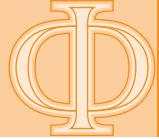
С целью выявления ценностных доминант фрагмента индивидуально-языковой картины мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В.И. Соколовского осуществлен лингвистический анализ текста «Рассказы сибиряка» [Бурмакина, Мамаева, 2016; Бурмакина, Чеканова, 2016].

Методом сплошной выборки из текста «Рассказы сибиряка» были выделены 50 ключевых слов с их вербализованными вариантами, из которых частотными оказались четыре: БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША. Предметом данного исследования является ценностная доминанта ЛЮБОВЬ, становившаяся уже предметом нашего рассмотрения с точки зрения языкового сознания русских [Васильева, Васильев, Мамаева, Устьянцева, 2017].

Лексема «любовь» и ее формы встречаются на страницах текста 51 раз. Все три значения данной лексемы («чувство привязанности, симпатии, расположения»; «чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола»; «склонность, расположение, пристрастие к чему-н.») реализованы в речи повествователя (Даль, 2002, с. 234; Словарь языка Пушкина, 2000, с. 549–550). Мы позволим себе несколько конкретизировать оттенки этих общих значений, так они придают образу рассказчика индивидуальность в интерпретации им собственной оценки, связанной с понятием ЛЮБОВЬ.

Прежде всего лексема «любовь» реализуется в значении «чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола»: «...любя вас самой пламенной любовью...; Потом, беснуясь страстью оба, / Ничтожный мир забыть хотят / И наизусть из книг твердят: / «Любовь и за пределом гроба!..»; Все это именно от того, что люди почти никогда не начинают своих дел сначала. От этого-то и выходит вся путаница, все ошибки, все наши несчастья. Возьмите в пример любовь; Мой пыл любви, палящий грудь» [Соколовский, 2011, с. 91, 92, 95]. В вербализованных единицах «Я курс любви давно прошел...; Потом, по правилам любви, / Несчастливым предстоит разлука» [Там же, с. 92] реализовано понимание любви как некоего свода правил, законов.

В значении «космическая сила, подобная силе тяготения», направляющая душу поэта ввысь, как «побудительная сила духовного восхождения» лексема любовь реализуется в отрывке: «Я загладил все бывшее / В очистительном огне, /

И доступно стало мне / Наслаждение святое: / Рай души воскреснул вновь, / Красотой небес сияя, / И как радуга цветная. / В нем затеплилась любовь!..» [Соколовский, 2011, с. 116].

В значении 'склонность, расположение, пристрастие к чему-нибудь' лексема любовь через значение глагола «любить» и существительного «любимец» реализована в следующих контекстах: «Это будет прекрасный сюрприз, а я смерть люблю сюрпризы; Когда порассмотрел я ближе / Любимец ветреной мечты – / Узнал, что все их красоты / Далеко против ваших ниже» [Там же, с. 93, 94].

Лексема «любовь» относится к отвлеченным существительным, и сама образована от глагола «любить», в данной форме в тексте не встречающемся. Но образования глагольной производящей основы от лексемы «любить» представлены в речи глаголами и их формами («влюблялся», «полюбить», «любоваться» – данные глаголы выражают динамику духовной жизни человека); деепричастием «любя», распространяющим действие другого глагола; причастием «влюблен», которое представляет признак в его динамике.

На периферии значений лексемы «любовь» определяем синонимичное употребление ее в составе единиц речи, включающих не прямые синонимы, а контекстуальные: («Вот вам симптомы и припадки / Сердечной глупой лихорадки; Начало страсти очень страстно; Пора тяжелая пришла вам неизвестного влечения») [Соколовский, 2011, с. 92, 95, 111].

Синтаксический строй речи с данной лексемой и ее производными представлен сочетаниями с личными, притяжательными, определительными местоимениями: «вашей любви», «своею любовью», «вас люблю», «не любил так никого», «мой пыл любви», «всякому любителю», «влюбился в вас». Роль их не только придать речи «оттенок искренности», но и, благодаря выбранной форме (2-го лица, мн. ч), отразить «интимный» уважительный, почтительный характер отношений к собеседнице.

В сочетании с прилагательными в переносном значении («пламенной любовью», «вечная любовь», «святая любовь»; «светлую любимицу») лексема приобретает характер сильной эмоциональной оценочности. Употребление однокоренных глаголов и их форм наблюдаем в составе фразеологических единиц. «Влюбляемся в один прием» – предполагаем, что это собственный фразеологизм автора, сходный по смыслу с фразеологизмом «в одну минуту» в значении 'мгновенно, очень быстро'; «влюбился в вас без шуток»; где «Без шуток» значит 'совершенно серьезно, вполне'; «по уши влюблен» [Соколовский, 2011, с. 94, 95, 107], в значении 'сверх меры'.

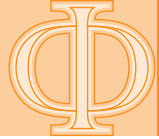
Кроме того, глаголы и причастия, связанные по смыслу с лексемой «любовь» и употребляющиеся с существительными, определяют отношение к предмету речи («люблю сюрпризы», «не любил шутить», «влюблялся без шуток», «влюбленный в маленькую Пери», «любил прогулки») и дают представление о пристрастиях героев произведения, их качествах характера, их состоянии в определенной ситуации.

Понятие ЛЮБОВЬ включает в смысловую сферу понятия БОГ, ДУША, ВЕРА, СЕРДЦЕ, СТРАСТЬ, СЧАСТЬЕ, КРАСОТА, ИДЕАЛ, МЕЧТА. Проанализируем их семантическую близость, включенность в речь рассказчика. ЛЮБОВЬ «в понятиях Святой Руси главная добродетель православного человека, ибо христианство – религия любви» [Платонов, 2000, с. 100]. Всем нам известно выражение: Бог есть любовь. В этом же издании читаем высказывания о любви В.С. Соловьева: «Дело истинной любви, прежде всего, основывается на вере» и слова С.В. Троицкого: «Православие признает только любовь, готовую на неограниченные жертвы, только любовь, готовую положить душу за брата, за друга <...> ибо только через такую любовь человек возвышается до таинственной вышешеличной жизни Св. Троицы и Церкви» [Там же]. Приведенные высказывания помогают нам убедиться лишней раз в схождении смыслов лексем «любовь = Бог = душа = вера». Любовь базируется на устремленности к идеалу. Такой идеал ищет наш рассказчик. В контекстах, обращенных к Катиньке, – это, очевидно, идеал женщины: «В подлунном мире я искал красот высоких идеал; Сыскать для сердца идеал» [Соколовский, 2011, с. 91–92]. Лексема «идеал» встречается в его речи всего 3 раза. В последнем примере в ироничном отношении: «Ты б закусил да задремал, – / Куда тебе! – уж над тобою, / Блестя одеждою цветною, / Парит волшебный идеал...» [Там же, с. 95].

В речи рассказчика по отношению к собеседнице лексема «идеал» синонимична лексемам «мечта» и «красота» (19 / 30 вербализованных единиц): «Но вы на сердце залегли / мечтой прекрасною поэту; Потому что все красоты, о которых я сказал теперь, и которые принадлежат мне только как создание моей мечты, составляют вашу прекрасную, заманчивую собственность...; Взгляните мне в душу душою своей!.. / Там все, что нам красит земное изгнание: / Поэзии пламень, / Святая любовь, / И гений надежды, и гений мечтанья / С пленительной вязью нетленных цветов» [Соколовский, 2011, с. 93]. Любовь для рассказчика, который является к тому же поэтом, не просто чувство привязанности к кому-либо или к чему-то. Это понятие для него – основа существования, главная движущая сила жизни, его вдохновения. Это то, самое важное, без чего не существует на земле человек.

В диссертации Е.В. Лобковой есть должное подтверждение нашей мысли: «чем существеннее, важнее то или иное чувство для самосознания и самого существования личности, тем разнообразнее и богаче языковые средства репрезентации этого чувства. Любовь в этом смысле не знает себе равных, особенно любовь мужчины и женщины, огромная жизнестроительная роль которой – один из главных мотивов всех видов художественного творчества».

Итак, через близость значений мы выявили взаимосвязь семантики вышеназванных ценностных понятий с понятием ЛЮБОВЬ. В языковой картине мира повествователя лексема ЛЮБОВЬ употребляется в следующем компонентном составе: чувство привязанности, симпатии, расположения; чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола; склонность, расположение, пристрастие к чему-н.

Таким образом, в жизни рассказчика ценностное понятие ЛЮБОВЬ играет важную роль. Движимый живым чувством любви ко всему прекрасному, автор посредством любви обожествляет женщину, в которой нашел сострадание. А сострадание – это первый шаг к любви. Любовь для нашего поэта больше, чем его душа. Об этом свидетельствуют слова эпитафии: «Я ль виноват, что тебя, черно-оую, / Больше, чем душу, люблю?» [Соколовский, 2011, с. 90]. Любовь побуждает его к откровенности. Любовь – это его совесть. Он умеет отличить ложное чувство любви от настоящего, всепоглащающего. Ему знакомо это чувство в земном его варианте. Как обычный человек, он изучил все правила любви, но разочаровался в ней. Для него, воспринимающего жизнь как божий дар, стало ясно, что «высокий подвиг здешней жизни» нельзя продать за «чувственность». В высокой любви, проникнутой состраданием, он видит спасение от грехов своих и всего человечества. Любовь – святое чувство, «Пища дивная», которая питает и избавляет человека от «накипи зла».

Библиографический список

1. Башкова И.В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира // Вестник ТГПУ. 2015. № 4. С. 112–116.
2. Бурмакина Н.А., Мамаева Т.В. Аксиологическая доминанта «Вера» в языке повествователя «Рассказов сибиряка» В.И. Соколовского // Казанская наука. 2016. № 12. С. 90–92.
3. Бурмакина Н.А., Чеканова С.Ю. Ценностное понятие «Бог» в языке повествователя «Рассказов сибиряка» В.И. Соколовского // Studia Humanitatis. 2016. Вып. 3. URL: <http://st-hum.ru/content/burmakina-na-chekanova-syu-cennostnoe-ponyatie-bog-v-yazyke-povestvovatelya-rasskazov> (дата обращения: 06.11.2016).
4. С.П. Васильева, А.Д. Васильев, Т.В. Мамаева, Е.В. Устьянцева. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Лобкова Е.В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 288 с.
7. Платонов О.А. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Правосл. изд. «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. 1148 с.
8. Соколовский В.И. «Ни разу счастием я не был упоен...». Ставрополь: ЮРКИТ, 2001. 144 с.
9. Соколовский В.И. Рассказы сибиряка // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. / под ред. д-ра социол. наук, проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. С. 90–116.

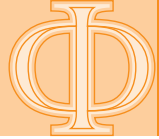
Список словарей

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 672 с.
2. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.
3. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.) и др. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; email: nata-burmakina@yandex.ru

Мамаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; email: mamaevatv@yandex.ru

AXIOLOGICAL «LOVE» DOMINANT IN THE NARRATOR'S LANGUAGE OF «SIBERIAN'S STORIES» BY V.I. SOKOLOVSKY

N.A. Burmakina, T.V. Mamaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

In the article the authors analyze the value of the concept of love in the narrator's language world view. The source of the study is the work of a XIXth century poet Vladimir Ignatievich Sokolovsky (1808-1839) «Siberian's Stories.» An outstanding poet, journalist and writer of the XIX century Vladimir Ignatievich Sokolovsky(1808-1839) was a contemporary of A. S. Pushkin, E. A. Baratynsky, N. P. Ogarev, A.I. Herzen. The language of V.I. Sokolovsky' works makes it possible to reveal the bright personality of the poet. The object of our study is a linguistic image of the narrator in the work «Siberian stories» In this work there are two plot-development lines which are skillfully interwoven.

The purpose of this article is as follows: to detect the dominant value of LOVE lexeme in the language of the narrator. In order to identify axiological dominants, value meanings we used the method of continuous sampling: 50 keywords with their verbalized versions were selected from the text of the «Siberian Stories» by counting their usage frequency. Among the selected key words four value concepts: GOD, FAITH, LOVE, SOUL stood out.

As the result of the analysis paradigmatic and associative relations of verbalized value units of LOVE were revealed.

We came to the following conclusion: in the linguistic world view LOVE lexeme (51 verbalized units) is used in the following component composition: a sense of affection, sympathy, penchant for; feeling of love, sexual interest; inclination,, addiction to something.

Key words: *linguistic world view, linguistic text analysis, lexical-semantic field, componential analysis, stylistics of literary text, idiostyle.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bashkova I.V. Tvorcheskaya yazykovaya lichnost i variativnost russkoy yazykovoy kartiny mira // Vestnik TGPU. 2015. № 4. S. 112–116.
2. Burmakina N.A., Mamayeva T.V. Aksiologicheskaya dominanta «Vera» v yazyke povestvovatelya «Rasskazov sibiryaka» V.I. Sokolovskogo // Kazanskaya nauka. 2016. № 12. S. 90–92.
3. Burmakina N.A., Chekanova S.Yu. Tsennostnoye ponyatiye «Bog» v yazyke povestvovatelya «Rasskazov sibiryaka» V.I. Sokolovskogo // Studia Humanitatis. 2016. Vyp. 3. URL: <http://st-hum.ru/content/burmakina-na-chekanova-syu-cennostnoe-ponyatie-bog-v-yazyke-povestvovatelya-rasskazov> (data obrashcheniya: 06.11.2016).
4. S.P. Vasilyeva. A.D. Vasilyev. T.V. Mamayeva. E.V. Ustiantseva. Bazovyye tsennosti regionalnogo yazykovogo soznaniya russkikh Priyeniseyskoy Sibiri: monografiya / Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astafyeva. Krasnoyarsk, 2017. 180 s.
5. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. Izd. 7-e. M.: Izd-vo LKI, 2010. 264 s.
6. Lobkova E.V. Obraz-kontsept «lyubov» v russkoy yazykovoy kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2005. 288 s.
7. Platonov O.A. Entsiklopedicheskiy slovar russkoy tsivilizatsii. M.: Pravosl. izd. «Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii», 2000. 1148 s.
8. Sokolovskiy V.I. «Ni razu schastiyem ya ne byl upoyen...». Stavropol: «YuRKIT», 2001. 144 s.
9. Sokolovskiy V.I. Rasskazy sibiryaka // Opalnyye: Russkiye pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya: v 3 t. / pod red. d-ra sotsiol. Nauk, prof. V.A. Shapovalova, d-ra filol. Nauk, prof. K.E. Shtayn. Stavropol: Izd-vo SGU. 2011. T. 2. S. 90–116.

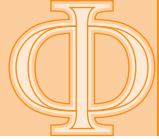
Spisok slovarey

1. Dal V.I. Tolkovyyiy slovar zhivogo velikorussskogo yazyika. M.: OLMA-PRESS, 2002. 672 s.
2. Slovar yazyika Pushkina: v 4 t. / otv. red. akad. AN SSSR V.V. Vinogradov. 2-e izd., dop. / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t rus.yaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2000.
3. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar / nauch.-red. sovet: A.M. Prohorov (pred.) i dr. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1981. 1600 s.

About the authors

Burmakina Natalia Alekseevna – candidate of philology, associate professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk Astafiev State Pedagogical University; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Mamaeva Tatiana Vladimirovna – candidate of philology, associate professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk Astafiev State Pedagogical University; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

УДК 81

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАРГОНА АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ: К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЖАРГОНИЗМОВ

Н.А. Румеус (Омск, Россия)

Аннотация

Исследование жаргона автолюбителей в аспекте лингвокультурологии базируется на предположении о повышении значимости «автомобильного фрагмента» русской языковой картины мира, что обусловлено массовым распространением автомобилей и ростом числа автолюбителей. В результате исследуемые единицы оказываются широко известными и активно употребляемыми. Распределение жаргонных единиц по тематическим группам рассматривается автором как способ представить ядро изучаемого фрагмента картины мира. *Цель статьи:* определить наиболее распространенные способы образования жаргонной лексики и их потенциал в выражении актуальных для автолюбителей национально-культурных и / или ценностно-оценочных смыслов. На первом этапе исследования осуществлялась формально-семантическая типология жаргонизмов, на втором – использовались приемы лингвокультурологического анализа, комментировались случаи отсылки к прецедентным феноменам, переосмысления антропонимов и др. В результате установлено, что наиболее распространенными способами являются, в частности, метафоризация, фонетическая мимикрия, фонетический каламбур, демонстрирующие лингвокреативность носителя жаргона. Исследованные жаргонные единицы, как правило, имеют выраженную национально-культурную и оценочную специфику.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, жаргонизмы, метафора, фонетическая мимикрия, фонетический каламбур, культурный компонент.

Постановка проблемы. Картина мира – это сложно структурированная целостность, которая включает такие компоненты, как мировоззрение, мировосприятие и мироощущение. Эти компоненты объединены в картине мира специфическим для данной эпохи, этноса или субкультуры образом [Жидков, 2003, с. 17].

Каждый народ по-своему видит окружающую реальность, это отражается и в языке. Носители разных языков по-разному разделяют мироздание на фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, в соответствии с которыми язык и образ мышления взаимосвязаны. В языке находят отражение черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; к тому же, овладевая языком и значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры [Вежбицкая, 2001, с. 15].

Таким образом, язык является одним из важнейших методов формирования познания человека о мире. Человек, отображая в процессе деятельности

объективный мир, фиксирует итоги познания в словах, вследствие чего проявляется специфически человеческая концепция мира, установленная в языке [Серебренников и др., 1988, с. 101].

Для описания языковой картины мира значимыми являются свидетельства как литературной, так и нелитературных разновидностей языка, в том числе жаргона. Объектом рассмотрения в данной статье является жаргон автолюбителей, распространенность которого увеличивается в связи с ростом числа автомобилей: так, по данным аналитического агентства «Автостат», на 2015 год, больше половины российских семей (51 %) имели свой автомобиль [В России..., 1995–2018]. Совершенно очевидно, что при таком массовом распространении автомобилей далеко не только профессионалам приходится сталкиваться с соответствующей терминологической системой. В процессе речетворчества создаются более краткие наименования терминологической лексики, а также экспрессивные, иногда сниженные или грубоватые слова, которые позволяют не только назвать, но и оценить то или иное явление. Целью данной статьи является определение наиболее распространенных способов образования жаргонной лексики и их потенциала в выражении актуальных для автолюбителей национально-культурных и / или ценностно-оценочных смыслов.

Методология. В ходе сплошной выборки из существующих словарей автомобильного сленга, а также случайной выборки с форумов автолюбителей, таких как drive2 [Сленг автомобилистов], drom.ru [Форумы об автомобилях..., 2002–2018] и auto.ru [Форумы, 1996–2018], было отобрано 670 слов и словосочетаний. На первом этапе мы систематизировали материал, учитывая семантические (тематические) и формальные особенности обнаруженных лексем. Так, были выделены следующие тематические группы жаргонизмов: «управление автомобилем и поведение на дороге», «характеристики автомобиля», «марки автомобилей», «части автомобиля и аппаратура», «сотрудники ГИБДД». К тематической группе «Управление автомобилем и поведение на дороге» можно отнести следующие жаргонизмы: *жучок* – «двигаться в заносе по окружности»; *накрасить губки* – «провести предпродажную подготовку автомобиля»; *скоблить* – «быстро ехать»; *тошнить* – «перемещаться со скоростью меньшей скорости потока»; *дымить* – «ехать» и др. Примерами группы «Описание автомобиля» могут служить такие жаргонизмы, как: *цветная* – «автомобиль любого цвета, кроме белого»; *утопленник* – «автомобиль после наводнения»; *свежий* – «автомобиль высокого года выпуска»; *вагон, сарай, катафалк* – «автомобиль с кузовом универсал» и др. Слова *сарай, таблетка, сугроб, муха* используются для номинации марок автомобилей (Toyota Soarer, Toyota Starlet, Toyota Crown, Isuzu MU соответственно). К жаргонизмам, которые описывают части автомобиля и аппаратуру, можно отнести следующие слова: *духовка* – «автомобильная печка»; *юбка* – «аэродинамический обвес»; *фартук* – «передник бампер»; *колено* – «коленчатый вал»; *лапти* – «широкие колеса» и др. Жаргонную лексику, созданную для номинации сотрудников ГИБДД, мы отнесли в отдельную группу, так как они создают обширный сино-

нимический ряд: *Артемон, гайец, гайка* и др. Очевидно, что выделенные группы дают представление о ядре «автомобильного фрагмента» картины мира.

Собранный материал свидетельствует о том, что механизмы создания жаргонизмов исследуемой сферы различны. Учитывая формальные (в нашем случае – словообразовательные) особенности лексем и относя к способам образования слов случаи как морфемной, так и семантической деривации [Щербакова, 2005, с. 230–235], мы выделили способы словообразования, «работающие» в жаргоне автомобилистов. Заметим, что словообразовательный анализ мы сопровождали анализом лингвокультурологическим, обращая внимание на национально-культурный компонент семантики дериватов, что составило второй этап исследования. Существенным на этом этапе стало также выявление наиболее распространенных способов словообразования.

Результаты исследования. В нашем материале обнаружилось множество образованных такими способами, как метафоризация, фонетический каламбур, метонимия, фонетическая мимикрия, морфологическая передача, перевод, обратная транслитерация, контаминация, заимствование из других социальных групп, сокращение, универбация, фразеологизм, аббревиация, персонификация, кодирование, звукоподражание, объединенный способ, также были выявлены слова, не имеющие мотивировки в своем образовании. Сходные результаты были получены исследователями на материале жаргонов других профессиональных групп [Барт, 2010, с. 54–57; Береговская, 1996, с. 43–51; Буренина, 2015, с. 373–379; Елистратов, 2008, с. 168–172].

Прокомментируем те способы, которые представлены наибольшим числом дериватов, характеризуя потенциал последних в выражении актуальных для автолюбителей национально-культурных и / или ценностно-оценочных смыслов.

К наиболее распространенному способу образования жаргонной лексики автолюбителей относится метафоризация. Метафора – это вид тропа, употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений) [Литература..., 2006, с. 156]. Для данного способа образования жаргонизмов наиболее характерно «вплетение» культурного компонента, так как номинация происходит на основе сходства с близкими предметами и явлениями, которые встречаются в повседневной жизни того или иного этноса.

Данный способ обнаруживается во всех тематических группах. Примером метафоризации могут служить такие слова, как: *самовар* – «корпус воздушного фильтра»; *зажигалка* – «автомобиль с бензиновым двигателем»; *вагон* – «автомобиль с кузовом универсал»; *мясорубка* – «автомобиль с механическими стеклоподъемниками»; *капсула смерти* – «малолитражный автомобиль»; *духовка* – «автомобильная печка»; *удочка* – «антенна для автомобильной радиостанции» и т.д.

Особый интерес представляют названия марок автомобилей, образованные данным способом. Можно привести следующие примеры: модель автомобиля

Toyota Vitz называют *Чебурашкой*, Чебурашка – персонаж, придуманный писателем Эдуардом Успенским в 1966 году как один из главных героев книги «Крокодил Гена и его друзья» и ее продолжения. В основе сравнения лежит внешнее сходство автомобиля и данного персонажа, а именно сходство больших передних фар и ушей Чебурашки. Еще одним примером может служить микроавтобус УАЗ, который в народе прозвали *буханкой*. Микроавтобус УАЗ – это одна из советских культовых машин, в ней проявляется неповторимый стиль, свойственный лишь дизайнерам страны-производителя, свое название он получил за счет сходства с буханкой хлеба.

Из приведенных примеров видно, что в названия входят компоненты, имеющие отношение к литературе, кинематографу, истории. Также примерами жаргонизмов, в состав которых входит культурный компонент, могут служить следующие слова: автомагнитола – это *бормотограф*, магнитофон изобретателя Смекайло из повести-сказки Н.Н. Носова «Незнайка в солнечном городе». Также автомагнитола называют *баяном* (русская хроматическая гармоника – язычковый кнопочно-пневматический музыкальный инструмент с полным хроматическим звукорядом на правой клавиатуре). Данные слова образованы на основе сходства функций: бормотограф и баян, так же как и автомагнитола, служат для воспроизведения музыки.

На втором месте по продуктивности образования жаргонной лексики автолюбителей находятся фонетическая мимикрия и фонетический каламбур. Из названий данных способов словообразования видно, что они основаны на звуковом изменении слова. Фонетическая мимикрия и фонетический каламбур являются эффективными средствами для эмоционально-экспрессивного выражения говорящего, его творческого самовыражения и относятся к приемам языковой игры.

Фонетическая мимикрия – звуковое уподобление одного слова другому: от заимствованных, как правило, из английского языка, лексем путем обыгрывания звуковой оболочки слова, основанного на определенном фонетическом сходстве английского и русского слов с тождественным значением [Гридина, 1996, с. 62]. Основная часть слов тематической группы «Марки автомобилей» образована данным способом. Известно, что в России большое количество импортных автомобилей, поэтому направление образования от иностранного к русскому весьма характерно: автолюбители переосмысливают названия моделей автомобилей и выбирают сходные по звучанию единицы родного языка. Примерами могут служить такие слова, как: Nissan Cube – *кубик*; Toyota Mercedes-Benz Actros – *кактус*; Nissan Bluebird – *бублик*; Chery Tiggo – *тигренок*; Hyundai Tuscon – *тушканчик* и другие.

Как видно из данных примеров, жаргонизмы были образованы на основе сходства звучания с оригиналом. В данном способе образования также присутствуют примеры, в которых проявляется культурный компонент: Audi A8 – *авоська*, разговорное название сетчатой, сплетенной из суровых нитей хозяйственной сумки; Citroen – *ситро*, прохладительный фруктовый газированный напиток, соз-

данный в советское время; Honda Civic – *сивка*, конь или лошадь сивой масти, часто встречается в русских сказках.

Наиболее интересными примерами данного способа образования являются модели автомобилей, которые называют русскими именами. Например, Audi – *Авдотья*; Lexus – *Алексей*, *Леха*; Mazda Luce – *Люська*; Nissan Gloria – *Глаша*; Nissan Laurel – *Лаврентий*; Nissan Sunny – *Санька*. Заметно, что в этом ряду присутствуют не только современные имена, но и устаревшие, не только полные, но и сокращенные (например, с суффиксом -к-, характерным для разговорной речи и указывающим на непринужденность общения). Также можно встретить имена политических деятелей, например, модель автомобиля Toyota Corolla Levin называют *Ленин*.

Следующий способ образования – это фонетический каламбур, то есть обыгрывание и переименование заимствованной лексемы. Каламбур основывается на фонетическом сходстве слова и предполагает преднамеренное нарушение системных отношений языка с целью создания неканонических языковых форм и структур. Обновление номинации сопровождается снижением, в рамках которого происходят экспрессивное воздействие на собеседника и эмоциональное самовыражение [Гридина, 1996, с. 60]. Примером могут служить следующие слова: рычаг переключения передач – *скорус*; автомобильный кондиционер – *кондишка*; покупатель автомобиля – *покупашка*; сотрудник ГИБДД – *гай*, *гаец*, *гаер*; типтроник – *чиптрон*; сигнализация автомобильная – *чвакалка*; посигналить – *пофафакать* и др. Образованные слова, отсутствующие в нормативной форме языка, являются продуктом речетворчества. Основным приемом является замена буквы или добавление суффикса к существующему термину.

Уже из приведенных выше примеров видно, что среди жаргонизмов широко распространена синонимия, что подтверждает версию о ядерности выделенных тематических групп. При анализе синонимических рядов интерес представляет разнообразие мотивов, лежащих в основе номинаций. Например, для обозначения автомагнитолы используются слова: *голова*, *балдежник*, *бормотограф*, *шарманка*, *баян*, *бубнило*, *игралка*, *песня*, *потеха*, *бухтелка*. В отдельную группу можно выделить, такие слова, как: *бормотограф*, *шарманка*, *баян*, *бубнило*, *бухтелка*, так как данные жаргонизмы созданы на основе общего компонента («предметы, которые производят звук»), при этом единицы отличаются выраженностью / невыраженностью национально-культурного и оценочного компонентов. Жаргонизм *песня* представляет традиционный метонимический перенос, указывая на продукт, который создается с помощью автомагнитолы. Жаргонизм *голова* не позволяет однозначно объяснить версию своего образования, но любая из возможных («главная», «находящаяся в центре», «производящая звук» и т.п.) весьма интересна для анализа.

Обширный синонимический ряд создают и слова, обозначающие сотрудника ГИБДД, нами было выявлено 15 жаргонизмов. К примеру, *Артемон*, *гайец*, *гайка*, *продавец полосатых палочек*, *постамент*, *голубой гонщик*, здесь встречаются

ся такие способы, как метафоризация, фонетическая мимикрия и каламбур. Также можно заметить ведущую роль оценочного компонента.

Заключение. Реалии современной жизни сделали «автомобильный фрагмент» русской языковой картины мира актуальным для большого числа носителей языка. Свидетельством освоения этого семантического пространства является развитие жаргона автомобилистов. Важными тематическими группами, образующими ядро фрагмента картины мира, являются «управление автомобилем и поведение на дороге», «характеристики автомобиля», «марки автомобилей», «части автомобиля и аппаратура», «сотрудники ГИБДД». К морфемным и семантическим способам образования жаргонизмов относятся метафоризация, фонетический каламбур, метонимия, фонетическая мимикрия, морфологическая передача, перевод, обратная транслитерация, контаминация, заимствование из других социальных групп, сокращение, универбация, фразеологизм, аббревиация, персонификация, кодирование, звукоподражание, из них наиболее распространенными можно назвать метафоризацию (что составляет 43 % от общего числа отобранных единиц), фонетическую мимикрию (17 %) и каламбур (16 %). Важно, что многие жаргонизмы имеют явно выраженную национально-культурную специфику, например, восходят к значимым для русской культуры прецедентным феноменам. Таким образом, дважды в ходе исследования нашло подтверждение гипотеза о национально-культурной специфике жаргона автомобилистов: выделенные тематические группы представили базовые смыслы соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, выявленные структурные особенности жаргонизмов оказались основой для реализации национально-культурного и / или ценностно-оценочного потенциала дериватов. Сказанное определяет перспективы рассмотрения автомобильного жаргона в лингвокультурологическом аспекте.

Библиографический список

1. Барт М.В. Каламбурное словообразование как продуктивный вид производства жаргонных дериватов (на материале русского компьютерного жаргона) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1.
2. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 43–51.
3. Буренина Н.В. Способы словообразования в компьютерном жаргоне английского и русского языков // Перевод в меняющемся мире: матер. междунар. науч.-практ. конф. 2015.
4. В России посчитали количество автомобилей в каждой семье [Электронный ресурс] // Новости autonews. М., 1995–2018. URL: <https://www.autonews.ru/news/5825aff59a794747431327f3> (дата обращения: 03.03.2018).
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
6. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 214 с.
7. Елистратов А.А. К вопросу о способах словообразования спортивных жаргонизмов // Сборник статей участников IV Международной научной конференции. 2008.
8. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.

9. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. А.П. Горкин. М.: Росмэн, 2006. 984 с.
10. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 340 с.
11. Сленг автомобилистов [Электронный ресурс] // Форум drive2. М., 2018. URL: <https://www.drive2.ru/b/293958/> (дата обращения: 27.02.2018).
12. Форумы [Электронный ресурс] // Форум auto.ru. М., 1996–2018. URL: <https://forum.auto.ru/> (дата обращения: 27.02.2018).
13. Форумы об автомобилях в России [Электронный ресурс] // Форум drom.ru. М., 2002–2018. URL: <https://forums.drom.ru/> (дата обращения: 27.02.2018).
14. Щербакова Н.Н. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема // Омский научный вестник. 2005. № 4(33).

Сведения об авторе

Румеус Ника Александровна – ассистент кафедры восточных языков, Омский государственный педагогический университет; e-mail: Rumeus.Nika@mail.ru

NATIONAL-CULTURAL SPECIFIC CHARACTER OF AUTO-ENTHUSIASTS' JARGON: REGARDING THE WAYS OF JARGONISMS FORMATION

N.A. Rumeus (Omsk, Russia)

Aabstract

The Linguo-cultural aspect of researching the jargon in the automotive lexicon is based on the hypothesis that the importance of “automobile fragment” in the Russian language world view has particularly grown of late. Mass distribution of cars and growth of the number of car owners form the basis of our supposition. So language units under research happen to be widely known and actively used. The distribution of jargonisms into thematical groups is considered by the author as a way of presenting the nucleus of the world view fragment under study. The purpose of this article is to identify the most common ways of jargonisms-formation and the potential of the automotive lexicon in the expression of topical for motorists national-cultural and/or attitudinal meanings. At the first stage of research, the formal- semantic typology of jargonisms was considered, at the second stage the methods of linguistic - cultural analysis were used. As the result of research the author revealed that the most common ways of jargonisms-formation are metaphorization, phonetic mimicry, phonetic word play, which demonstrate linguistic creativity of the jargon-speaker. In most cases the jargon units explored had national-cultural and attitudinal specific features.

Key words: *the world view, language world view, jargon, metaphor, phonetic mimicry, phonetic word play, cultural component.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bart M.V. Kalamburnoe slovoobrazovanie kak produktivnyi vid proizvodstva zhargonnykh derivatov (na materiale russkogo kompyuternogo zhargona) // Mir nauki, kultury, obrazovaniya. 2010. № 1. S. 54–57.
2. Beregovskaya E.M. Molodezhnyi sleng: formirovaniye i funktsionirovaniye // Voprosy yazykoznaniiya. 1996. № 3. S. 43–51.
3. Burenina N.V. Sposoby slovoobrazovaniya v kompyuternom zhargone angliiskogo i russkogo yazykov // Perevod v menyayushchemsya mire: mater. mezhdunar. Nauch.-prakt. konf. 2015. S. 373–379.
4. V Rossii poschitali kolichestvo avtomobilei v kazhdoi semye [Elektronnyi resurs] // Novosti autonews. M., 1995–2018. URL: <https://www.autonews.ru/news/5825aff59a794747431327f3> (data obrashcheniya: 03.03.2018).
5. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoi kultury, 2001. 288 s.
6. Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Ekaterinburg: Ural. GPI, 1996. 214 s.
7. Elistratov A.A. K voprosu o sposobakh slovoobrazovaniya sportivnykh zhargonizmov // Sbornik statei uchastnikov IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 2008. S. 168–172.
8. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Iskusstvo i kartina mira. SPb.: Aleteiya, 2003. 464 s.
9. Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya. M.: Rosmen / gl. Red. A.P. Gorkin. 2006. 984 s.
10. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I. I dr. Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988. 340 s.
11. Sleng avtomobilistov [Elektronnyi resurs] // Forum drive2. M., 2018. URL: <https://www.drive2.ru/b/293958/> (data obrashcheniya: 27.02.2018).

12. Forumy ob avtomobilyakh v rossii [Elektronnyi resurs] // Forum drom.ru. M., 2002–2018. URL: <https://forums.drom.ru/> (data obrashcheniya: 27.02.2018).
13. Forumy [Elektronnyi resurs] // Forum drive2. M., 1996–2018. URL: <https://forum.auto.ru/> (data obrashcheniya: 27.02.2018).
14. Shcherbakova N.N. Semanticheskoe slovoobrazovanie kak lingvisticheskaya problema // Omsky nauchnyi vestnik. 2005. № 4 (33). S. 230–235.

About the author

Rumeus Nika Aleksandrovna – Assistant of the Department of Oriental Languages, Omsk State Pedagogical University; e-mail: Rumeus.Nika@mail.ru

ДЕГРАДАЦИЯ СЕМЬИ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ» И РОМАНЕ Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»

А. Борковска (Седльце, Польша)

Аннотация

Цель настоящей статьи – сопоставительный анализ текстов двух прозаиков, Виктора Астафьева и Романа Сенчина, которых объединяет подход к описанию реальности в стиле «жесткого» реализма, нередко переходящего в натурализм. В рамках анализируемых произведений схожими темами являются мотив деградации деревни и кризис общества, в том числе семьи. Протагонистами текстов являются милиционеры в отставке, пытающиеся найти себе место в новых условиях. Жизнь их семей в какой-то степени находится между городом и деревней, которая не является больше гарантом моральности, этики труда и общения с природой. Оба текста разделяет четверть века. В *Печальном детективе* Астафьев запечатлил деградацию общества в период надвигающихся перемен в стране, в которой не стало авторитетов и ничего святого. Единственный путь спасения России сибирский прозаик видел в институте семьи (в ее патриархальной разновидности). *Елтышевы* Романа Сенчина могут быть прочитаны как один из возможных сценариев будущего страны в случае несоблюдения астафьевских рекомендаций. Однако прозаик не оценивает своих героев, не дает советов будущим поколениям, а просто фиксирует время, указывает факторы, обстоятельства, которые привели к окончательному краху семьи Елтышевых. Трудно не согласиться с одним из исследователей, который назвал произведение Сенчина как «роман-диагноз». И действительно, диагноз поставлен, но рецепт отсутствует.

Ключевые слова: *деградация, семья, «Печальный детектив», «Елтышевы», деревенская проза, «новые реалисты».*

Кризисное состояние семьи давно уже не вызывает сомнений как среди разного рода специалистов, так и общества в целом. Осознание, в чем причина нынешнего кризиса и понимание его характера не входит в рамки настоящего исследования, однако находит отражение во многих отраслях гуманитарных наук.

Тема семьи в русской литературе появляется с давних времен, хотя ее образ и архетип менялся на протяжении веков. Как одна из основных сюжетных моделей в прозе семья играет ключевую роль в становлении человека, развитии его личности. Популярность и важность «мысли семейной» в литературе в какой-то степени объясняют слова Федора Достоевского: «Семья ведь тоже создается, а не дается готовою, и никаких прав, никаких обязанностей не дается тут готовыми, а все они сами собой, одно из другого вытекают, тогда только это и крепко, тогда только это и свято. Создается же семья неустанным трудом любви» [Достоевский, 2008, с. 85].

Хотя подход к теме семьи у разных писателей отражается по-своему, в главном они единомышленники – семья является местом утверждения нравственных устоев, общечеловеческих ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Как основа человеческого бытия образ семьи находил отражение в патриархальной модели, которая вследствие трагических событий XX века подверглась разрушению. «В русской культуре основной интерес к национальным кор-

ням и вопросам самоидентификации, в том числе к представлениям о месте человека в семейно-родовой цепи, наблюдается в наиболее судьбоносные для страны исторические периоды. Сейчас, когда разрушительный кризис семьи и брака, нарастающий в западном мире, болезненно затронул и Россию, этот интерес как никогда оправдан. Литература, всегда откликающаяся на актуальные проблемы современности, в разные времена по-своему отражала семейную проблематику» [Полева, Русанова, 2013, с. 223].

Целью настоящей статьи мы поставили сопоставительный анализ текстов двух прозаиков, Виктора Астафьева и Романа Сенчина, которых объединяет подход к описанию реальности в стиле «жесткого» реализма, нередко переходящего в натурализм. В названных произведениях схожими темами являются мотив деградации деревни и кризис общества, в том числе семьи.

Роман Виктора Астафьева *Печальный детектив* – одно из самых известных произведений перестроечного периода, в свое время вызвавшее немало споров в литературной критике. «Книга воспринималась и как свидетельство кризиса “деревенской” прозы, и как факт внехудожественный, прежде всего идеологический, и как новое слово в прозе второй половины XX века», – утверждает А. Мешалкин [Мешалкин, 2008, с. 191]. В романе найдем ряд уголовников, плотно заселяющих страницы астафьевского текста. Автор показывает разорение русского общества, ведущее к неизбежной катастрофе. Однако стержень романа – это тема семьи, которая «являет себя как открыто в публицистическом авторском слове, так и опосредованно: и в нравственных исканиях главного героя, и в системе образов, и в моделировании параллельных художественных ситуаций, и в литературных реминисценциях и аллюзиях» [Мешалкин, 2008, с. 191].

Мотив семьи появлялся в творчестве Виктора Астафьева и раньше, воплощаясь в преодолении героями сиротства, как, например, в *Перевале*, *Стародубе*, *Последнем поклоне*, *Краже*, *Царь-рыбе* [Ковтун, 2009, с. 71–83].

Протагонистом *Печального детектива* является Леонид Сошнин, милиционер-инвалид в отставке, мечтающий стать писателем. В центре его размышлений – деградация общества, переставшего ценить такие категории, как добро, любовь, справедливость, бескорыстие. У Сошнина есть жена Элеонора и дочь Светка. Однако супруги постоянно проходят кризисы в семье и живут отдельно.

Виктор Астафьев в рамках поэтики жесткого реализма беспощадно развенчивает моральных уродов, среди которых женщина Урна, потерявшая человеческий облик, мать, оставившая младенца в автоматической камере хранения, родители, чуть не уморившие с голоду ребенка, взрослые дети, забывшие похоронить своего отца, оставившие его гроб на кладбище под дождем, рецидивист Венька Фомин, молодые люди, изнасиловавшие пожилую женщину. Эпизоды уголовного характера в небольшом городе Вейске образуют чудовищную картину распадающегося общества. Однако Виктор Астафьев идет еще дальше, вглубь, показывая жестокую прозу семейной жизни. «Достаточно вспомнить отношение Чичи – кочегара к тете Гране или железнодорожного обиходчика Адама Зудина к своей

Еве; Леонид Сошнин иногда силой умирал словоохотливую Лерку. Да и Маркел Тихонович не без серьезности советовал зятю: “Может, тебе ее, дочь мою бодливую, побить? Не до самой смерти – чтоб почувствовала”», – замечает исследователь [Мешалкин, 2008, с. 194]. Применение насилия – результат отсутствия других способов решать семейные проблемы, нехватки положительных примеров счастливых пар, в которых царит взаимоуважение и любовь. Протагонисту, воспитанному одними женщинами, не хватает мужского авторитета, отца, у которого мог бы учиться и кому мог бы подражать. Поэтому вступая в случайный брак, он не умеет наладить контакт с женой, постоянно испытывает непонимание и отчуждение со стороны близких.

Преодоление душевного кризиса позволяет герою прийти к выводу, что всякие перемены надо начинать с семьи, что без этого невозможно перестроить мир, восстанавливая в нем порядок. «Не самец, не самка, а человек с человеком соединяются, чтобы помочь друг другу и обществу усовершенствоваться, из сердца в сердце перелить кровь свою, а вместе с кровью все, что в них есть хорошего» [Астафьев]. Астафьев только два слова написал с прописной буквы: «Земля» и «Семья». «Земля – наш всеобщий человеческий дом, где каждый находит свое начало и свой конец, вне этого дома нас нет и быть не может, а что вне его, то лежит вне нашего разума и вне нашей памяти. Семья – начало человеческого общежития, народа, государства, всего человечества в целом. В подсознании семьи лежит природный инстинкт, в сознании – духовные связи», – утверждает Анатолий Ланщик [Ланщик, 1992, с. 123].

Главной идеей *Печального детектива* является необходимость возврата к семье в ее традиционном понимании, к давнему распределению обязанностей, когда женщина занималась домашним очагом и детьми, а мужчина заботился о содержании близких. По словам Светланы Переваловой, «общая авторская концепция романа складывается не из одних мрачных пейзажей, она вырастает из всего контекста произведения, в частности – из размышлений Сошнина о сущности семьи» [Перевалова, 1997, 68]. Исследователь творчества сибирского литератора Петр Гончаров констатирует: «Стремление к ладу в семье, к семье как источнику тепла, гармонии, устойчивости в жизни в прозе В. Астафьева оказывается постоянным мотивом. Истоки этого мотива находятся в биографии писателя – его раннее сиротство сменяется редкой (для писательской среды – особенно) по устойчивости семейной жизнью после войны. Источником этого мотива стоит признать и отверженность традиционалистски ориентированной “деревенской прозы” к семейному “ладу” как основе человеческого существования» [Гончаров, 2006, с. 152].

Необходимо подчеркнуть, что в творчестве сибирского прозаика нередко появлялись образы женщин-активисток, желающих стать похожими на мужчин, потерявших свою женственность, вспомним хотя бы Татьяну из *Последнего поклонна*, действующую на благо колхоза и оставляющую без заботы дом, семью. В анализируемом тексте к этой группе можно причислить тещу Сошнина, его жену Лерку, издательского работника Сыроквасову, даже Урну, которая своим поведе-

нием напоминает мужчину. Автор клеймит также семьи, которые в погоне за наживой и развлечениями оставляют детей у бабушек, пытаясь дорогими подарками купить детское признание и любовь. Сразу вспоминается сцена, когда бабка Тутышиха приглашает Сошнина посмотреть на новый наряд ее внучки Юльки, подаренный ей родителями.

В текстах сибирского литератора, наряду с традиционалистским пониманием семьи, представлен также образ семьи-артели, «созданной на основе духовного единения людей, коллективного труда и отобранных вековым опытом человечества нравственных ценностей» [Мешалкин, 2008, 192]. В астафьевской концепции семья не обязательно связана с кровным родством. Идея всеобщего человеческого семейства в *Печальном детективе* связана с историей жизни тети Грани, бездетной женщины, которая становится опорой для многих малолетних жителей Вейска. «Возле тети Грани просто росли мужики и бабы, набираясь сил, железнодорожного опыта, смекалки, проходили трудовую закалку. Закуток ее стрелочной будки многим ребятам был и детсадом, и площадкой для игр, и школой труда, кому и дом родной заменял. Здесь царил дух трудолюбия и братства» [Астафьев].

Передаваемые из поколения в поколение любовь и уважение к труду, характерные для творчества писателей-деревенщиков, в астафьевской прозе воплощались хотя бы в лицах автобиографических персонажей: бабушки и дедушки Потылицыных из цикла *Последний поклон*. В *Печальном детективе* идеи воспитания в трудолюбии и жизни в единстве с природой осуществляет тесть Сошнина, Маркел Тихонович Чащин, который приобщает внучку ко всему, что отбирает цивилизация и псевдокультура. «Хорошо, что кроме бабушки был у дитяти дедка, он мучить ребенка культурой не давал, приучал внучку не бояться пчелок, различать цветы и травы, грести сено грабельками, грядки полоть, зимой снежок огребать, с живой собакой играть, кошку гладить» [Астафьев].

В активном общении старшего поколения с младшим с целью передать им все ценное и полезное, что утрачивается из-за прогресса, заключается суть воспитательской концепции в творчестве Виктора Астафьева.

Творчество Романа Сенчина критика относит к «новому реализму» в его критической, «жесткой» разновидности [Ковтун, 2017, с. 81–87]. Писатель стремится к максимальному сближению текста с реальностью. «Для Сенчина художественным объектом становится просто повседневность, “бытовуха” со всеми подробностями, порой шокирующими, даже отталкивающими», – считает Ева Паньковска [Pańkowska, 2015, с. 110].

Героem романа Сенчина *Елтышевы* является обычная семья, после распада СССР пытающаяся приспособиться к жизни в новой социальной реальности. Глава семьи Николай Михайлович – милиционер, начальник вытрезвителя, его жена, Валентина Викторовна, работает в городской библиотеке. У Елтышевых два сына: старший Артем, который живет с родителями, и младший Денис, который сидит в тюрьме за драку. Живут герои в служебной, хорошо обставленной квартире, у них машина, гараж. Семейная идиллия разрушается из-за несчастно-

го случая в вырезвители. Елтышевы теряют все, что до сих пор определяло их существование. Как заметила Наташа Северная, «налаженный быт, работа, квартира – все оказывается бутафорией. Отбери их – и человек голый, никому не нужный, выброшен на обочину жизни» [Северная, 2014].

Стоит обратить внимание, что исследования причин кризиса семьи показывают, что доминирует экономическая теория его распада. «Согласно ее основным положениям, он (кризис. – А.Б.) есть следствие изменения экономических отношений в обществе. Экономика диктует людям логику поведения, эта логика требует высокой мобильности, а это, в свою очередь, не способствует крепости семейных отношений с их традиционным консерватизмом» [Галецкий, 2005]. Семья Елтышевых, кажется, только подтверждает названную теорию, хотя на самом деле все намного сложнее. Семейство бывшего милиционера принимает решение переехать к тетке Валентины, у которой небольшой домик в деревне Мураново. С этого момента начинается постепенная деградация и фактическая гибель Елтышевых, напрасно пытающихся выжить в чуждом деревенском мире.

Сибирское село Мураново не отличается местным колоритом, привычным для деревенской литературы, представленной произведениями Валентина Распутина или Виктора Астафьева. Скорее всего, символизирует среднестатистическую российскую деревню «с ее обилием мертвяков, с ее заколоченными домишками, горящими зданиями, грязными дорогами, жителями, потерявшими человеческий облик, и мутным небом напоминает царство ужаса» [Ганиева, 2010]. Ничего практически не остается от деревни как оплота традиции и ментальности русского народа. Сенчин беспощадно показывает мир, в котором царствуют безнравственность, туеядство, убийства, алкоголизм, ничего не строится, все уничтожается и гибнет. Лишь тетка Елтышевых, Татьяна, осталась примером трудолюбия и старого порядка, которого приехавшая из города семья соблюдать не намерена.

Кроме экономических препятствий, на пути Елтышевых вырастают нравственные, приехавшие вынуждены бороться с отчуждением, враждебным отношением к ним жителей Муранова. Семья из города, который ассоциируется с моральной гнилью и упадком обычаев, не принимается деревенским обществом. Процесс отчуждения начался еще до приезда в деревню. Уголовные дела Дениса, потом Николая Михайловича ощущались семейством Елтышевых с большой силой. По дороге домой Валентина размышляет: «...Сегодня путь с работы давался особенно тяжело. Ноги не шли, все вокруг – люди, светофоры, машины, дома – казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, в котором прожила в общей сложности тридцать два года, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим» [Сенчин, 2011, с. 21]. Мечислав Домбровский утверждает, что пространство большого города создает иллюзию домашности [Dąbrowski, 2009]. Обитаемое до сих пор место перестает быть близким и своим. Кроме ощущения потери хорошо знакомого мира, Елтышевы испытывают чувство клейма.

Переезд в деревню только усиливает впечатление отчуждения. Жители Муранова кажутся героям моральными уродами, погруженными в безнадежную действительность, из которой нет выхода. Сначала Николай как бывший милиционер не в состоянии понять и одобрить преступную деятельность автохтонов. Как последний герой он борется с местными ворами, однако скоро сам превращается в продавца нелегального спирта и убийцу. То, что сначала кажется Елтышевым унижительным и морально сомнительным занятием, например торговля спиртом, постепенно принимается как неизбежность: «Слу... слушайте! Вы не знаете, наверно, к кому вы пришли. Думаете, живут в халупе такой, так к ним можно, не откажутся. У меня муж тридцать лет в милиции прослужил. На заслуженном отдыхе... Я – библиотекарем... Как вам не стыдно!.. Коля, да выведи ты его!» [Сенчин, 2011, с. 84].

Изначальное сопротивление семьи оказывается обреченным, и Елтышевы начинают заниматься сомнительным делом, вызывая ненависть у жен потенциальных клиентов, погружаясь в алкоголизм. «В борьбе за выживание Елтышевы (...) забывают о собственном достоинстве, теряют человеческий облик» [Pańkowska, 2015, с. 123]. По словам Наташи Северной, «...нищие духом, они быстро люмпенизируются, словно падение и гниль были давно заложены у каждого внутри. (...) Череда убийств, это еще и крах семьи, малой части общества, которая, словно лакмус впитала в себя бездушность и озлобленность, которыми поражено общество в целом» [Северная, 2014].

Елтышевы одиноки, рядом с ними никого нет. Однако помощи и взаимовыручки нет и внутри семьи. Распад, пустота, отчуждение касаются не только обстановки, в которой находится семья, но и отношений между ее членами. Взимоотношения, «сглаженные городской жизнью, где каждый живет в своей комнате и варится в собственном соку, обостряются. Невысказанные претензии, замолчанные конфликты – все выходит на поверхность, словно грязная смердящая пена», – констатирует исследовательница [Северная, 2014]. Жизнь семьи в городе была пассивной и почти бессмысленной. Лишь стремление к материальным благам определяло бытие. «Воли к жизни нет, потому что ее подменило стремление к благополучию, а ради благополучия не сделаешь того, что сделал бы ради самой жизни. В результате стремления “жить лучше” не хватает даже для того, чтобы просто жить» [Пирогов, 2009]. Семейство Елтышевых не в состоянии сопротивляться собственному уничтожению. Константин Комаров сравнивает Сенчина с экзистенциалистом Сартром, призывая его концепт «Другие – это ад». «В Елтышевых герои отделены друг от друга “стеной”, непреодолимость которой позволяет говорить об ее экзистенциальном характере. Сенчин подает метафизическую бесприютность и неприкаянность в сниженном, огрубленном, бытовом срезе, но метафизическая подкладка все равно остается и ощущается» [Комаров, 2011].

Убийство Елтышевым старшего сына не вызывает в нем травмы. «Душой давно они были с Артемом чужими, поэтому Николай Михайлович смог пережить его смерть. Сам себе удивлялся, как это не сошел с ума, не свалился от раз-

рыва сердца, а ощущает внутри почти спокойствие, даже какое-то облегчение» [Сенчин, 2011, 236]. Валентина переживает смерть сына по-своему, однако ей тоже не чуждо бесстрашие, она не позволяет мужу добровольно признаться. «А обо мне ты подумал?! Мне в петлю теперь?» [Сенчин, 2011, 237].

Валентина Елтышева наиболее болезненно испытывает унижения и трагедии, начиная с уголовного дела сына и мужа, через оскорбительную торговлю на рынке, на спиртном прилавке и потери близких. Спустя несколько дней после освобождения из тюрьмы убивают ее младшего сына Дениса. Полгода спустя на пороге дома умирает Николай Михайлович. Валентина остается одна. В финале романа она пытается вернуть себе отброшенного когда-то внука Родиона. «Внук не признает в Валентине бабушку, не помнит своей фамилии, его детская забывчивость – единственное наказание в романе. Ты породила зло? Получай обратно» [Северная, 2014].

Героиня Сенчина мало напоминает традиционных женских персонажей, заселяющих русскую словесность. Она в роковой момент «сильнее и мудрее своих мужчин. В этом трагедия и крах семьи. Россия держится на женщинах. Вместо заботы о семейном очаге она тащит непосильную ношу выживания. В кого превратится такая женщина? В бабу. Озлобленную и одичавшую», – пишет Наташа Северая [Северная, 2014]. Трудно сочувствовать Валентине, которая, с одной стороны, «носительница и защитница фамильного достоинства Елтышевых» [Роднянская, 2010], с другой – участвует в разложении деревни и легко прощает мужу убийство сына¹.

В анализируемых романах протагонистом является милиционер, стоящий на страже общественного порядка и имеющий дело с множеством преступлений. Разница между ними заключается в силе характера и присутствии (или отсутствии) прочных жизненных ориентиров. Леонид Сошнин приучен к работе, ценит справедливость, ненавидит грубость и насилие. Его воспитывали женщины, для которых труд, нравственность и ответственность не были пустыми словами. Николай Елтышев, даже будучи капитаном милиции, нарушал правила и законы. Его поколение подготовило к жизни молодежь, для которой унижительно трудиться, быть сыном милиционера, а нормально и естественно – стать тунеядцем и преступником. Несомненно, время службы героев-милиционеров сильно отличается. Однако, по словам Наташи Северной, «конец России пришел не с диким капитализмом, а с моральным разложением и нравственным падением русского человека» [Северная, 2014].

Если в *Печальном детективе* Виктор Астафьев видит в семье единственный путь спасения русского общества, то роман *Елтышевы*, на наш взгляд, является одним из возможных вариантов несоблюдения астафьевских рекомендаций. Сенчин не оценивает своих героев, не дает советов будущим поколениям. Писатель просто фиксирует время, указывает факторы, обстоятельства, которые привели к окончательному краху семьи Елтышевых. «Это страшная, выматывающая, тяжелая, угрю-

¹ См.: «Трудно, к примеру, поверить, что мать не изменит отношения к человеку, убившему ее сына буквально на ее глазах, и всего через пару десятков страниц будет называть его “дорогим”». Комаров К. Цена честности // Урал. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/2/ko12.html>

мая честность», – пишет Константин Комаров [Комаров, 2011]. По словам критика, книгу Романа Сенчина можно жанрово определить как «роман-диагноз» [Комаров, 2011]. И действительно, диагноз поставлен, но рецепт отсутствует.

Библиографический список

1. Астафьев В. Печальный детектив. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00078601184773068867/> (дата обращения: 10.12.2017).
2. Достоевский Ф. Дневник писателя. М.: Азбука, 2008.
3. Галецкий В. Встретит ли институт семьи XXII век? // Дружба народов. 2005. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/6/ga10html> (дата обращения: 20.11.2017).
4. Ганиева А. Серым по белому // Вопросы литературы. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ga9.html> (дата обращения: 20.11.2017).
5. Гончаров П. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской литературы второй половины XX века. Мичуринск: МГПИ, 2006. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00078601184773068867/> (дата обращения: 01.11.2017).
6. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4 (17).
7. Ковтун Н.В. Природа и религия как основа жизненного уклада в повести В. Астафьева «Стародуб» // Вестник ТГУ. Филология. № 1 (5). 2009.
8. Комаров К. Цена честности // Урал. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/2/ko12.html> (дата обращения: 20.11.2017).
9. Ланшиков А. Виктор Астафьев. М.: Просвещение, 1992.
10. Мешалкин А. «Мысль семейная» в романе В. Астафьева «Печальный детектив» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 4.
11. Перевалова С. Творчество В.П. Астафьева. Проблематика. Жанр. Стиль. Волгоград: Перемена, 1997.
12. Пирогов Л. Мертвые души и доктор Сенчин // Литературная газета. 2009. № 45 (6249). URL: <http://old.lgz.ru/article/10732> (дата обращения: 03.12.2017).
13. Полева Е., Русанова О. Концепция семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 2 (130).
14. Роднянская Н. Род Атридов // Вопросы литературы. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ro12.html/> (дата обращения: 20.11.2017).
15. Северная Н. Все серьезно, даже больше (О романе Сенчина «Елтышевы») // Топос. 07.09.2014. URL: <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/vse-serezno-dazhe-bolshe-о-romane-senchina-eltyshevy> (дата обращения: 20.11.2017).
16. Сенчин Р. Елтышевы. М.: Эксмо, 2011.
17. Dąbrowski M. Swój / obcy/ inny. Kontynuacja // Anthropos? 2009. № 12–13. URL: www.anthropos.us.edu.pl/anthropos7/teksty/dabrowski.htm (дата обращения: 10.12.2017).
18. Rańkowska E. Мир умирающей деревни в творчестве «новых реалистов» (на материале романов: «Санька» Захара Прилепина и «Елтышевы» Романа Сенчина) // Studia Wschodniosłowiańskie. 2015. № 15.

Сведения об авторе

Борковска Альдона (Borkowska Aldona) – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт кафедры русской филологии и компаративистики гуманитарного факультета, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце (Польша); e-mail: aldbor@interia.pl

DEGRADATION OF FAMILY IN “SAD DETECTIVE” BY VICTOR ASTAF’EV AND “THE ELTYSHEVS” BY ROMAN SENCHIN

A. Borkowska (Siedlce, Poland)

Abstract

The aim of this article is comparative analysis of prose by Victor Astafiev and Roman Sienchin. The protagonists of both novels are policemen who have completed their work and try to find themselves in the new reality. The lives of their families are somehow suspended between town and country, which is no longer the mainstay of moral values, work ethic, and contact with nature.

The two novels are separated by a quarter of a century. “Sad Detective” by Astafiev is a record of the downfall of Soviet society in the era of the approaching change, for which there is no sanctity and authority. Astafiev saw the rescue for Russia only in the institution of the family in her patriarchal variety.

Roman Sienchin’s “The Eltyshevs” can be interpreted as one of the possible variants of the fate of a society that does not comply with Astafiev’s recommendations. The family as the fundamental social institution did not meet the desirable expectations. Suffering numerous “diseases” it is not able to fulfill its eternal functions. Unlike Astafiev, Sienchin does not judge his characters and does not give them advice for the future. It is hard not to agree with the opinion of one of the researchers who defines the work as “a novel-diagnosis”. Diagnosis is given, but there is no prescription.

Keywords: *degradation, family, “Sad detective”, “The Eltyshevs”, village prose, “new realists”.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Astaf’ev V. Pechal’nyj detektiv. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/0007860118477-3068867/> (data obrashchenija: 10.12.2017).
2. Dostoevskij F. Dnevnik pisatelja. M.: Izdatel’stvo „Azbuka”, 2008.
3. Galieckij V. Vstrietit li institut sem’i XXII vek? // Druzhba narodov. 2005. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/6/ga10.html> (data obrashchenija: 10.12.2017).
4. Ganieva A. Sierym po bielomu // Voprosy literatury. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ga9.html> (data obrashchenija: 10.12.2017).
5. Goncharov P. Tvorchestvo V. P. Astaf’eva v kontekstie russkoj literatury vtoroj poloviny XX veka. Michurinsk: MGPI, 2006. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00078601184773068867/> (data obrashchenija: 10.12.2017).
6. Kovtun N. In. Interiorization fabula: a «beata», mater ad Palevo (copyright dialogus Rasputin et R. Senchina) // Acta de Omgpu. 2017. № 4 (17).
7. Kovtun N. In. Natura et religio, ut ex via vitae in novo per V. Astafiev «Starodub» // Vestnik TSU. Philologia. 2009. № 1 (5).
8. Komarov K. Cena chestnosti // Ural. 2011. № 2, URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/2/ko12.html>. (data obrashchenija: 10.12.2017).
9. Lanshchikov A. Viktor Astaf’ev. Moskva: Prosveshchenie, 1992.
10. Meshalkin A. «Mysl’ semiejnaia» v romanie V. Astaf’eva «Pechalnyj detektiv» // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2008. № 4.
11. Perevalova S. Tvorchestvo V.P. Astaf’eva. Problematika. Zhanr. Stil’. Volgograd: Peremena, 1997.
12. Pirogov L. Mertvyje dushy i doktor Senchin // Literaturnaja gazieta. 2009. № 45 (6249). URL: <http://old.lgz.ru/article/10732>. (data obrashchenija: 10.12.2017).

13. Poleva E., Rusanova O. Konceptja cem' i v paradigmah hudozhestvennogo soznania i avtorskih modeliah // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2013. № 2 (130).
14. Rodnianskaja N. Rod Atridov // Voprosy literatury. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ro12.html/> (data obrashchenija: 10.12.2017).
15. Senchin R. Jeltyshevy. M.: Eksmo, 2011.
16. Severnaja N. Vsio seriozno, dazhe bol'she (O romanie Senchina „Jeltyshevy”) // Topos 07.09.2014. URL: <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/vse-serezno-dazhe-bolshe-o-romane-senchina-eltyshevy> (data obrashchenija: 10.12.2017).
17. Dąbrowski M. Swój / obcy/ inny. Kontynuacja // Anthropos? 2009. № 12–13. URL: www.anthropos.us.edu.pl/anthropos7/teksty/dabrowski.htm (data obrashchenija: 10.12.2017).
18. Pańkowska E. Mir umirajushchej derevni v tvorcestvie «novyh realistov» (na materiale romanov: «San'kia» Zahara Prilepina i «Jeltyshevy» Romana Senchina) // Studia Wschodniosłowiańskie. 2015. № 15.

About the author

Borkowska Aldona – PhD, staff member of Department of Russian Philology and Comparative Literature, Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Poland; e-mail: aldbor@interia.pl.

УДК 821.161.1

МЕНТАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ В ЭПОХУ КРИЗИСА (ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИИ: ПРОВИДЦЫ, ПРОТАГОНИСТЫ, ЖЕРТВЫ)

В.М. Гревнев

Аннотация. Автор публикации, посвященной поэтам революционной эпохи, ярким представителям русской культуры и русской ментальности, указывает на общие для них и культуры России коды, включая и коды самоуничтожения, «впечатанные» вместе с кодами созидания в онтологическую матрицу России. В статье объединены два дискурса, филологический и культурологический. Поэты начала XX века, будучи приверженцами новаторских идей, кардинально повлияли на судьбы отечественной и мировой культуры. В то же время они оставались носителями национальной ментальности, включающей в себя любовь к родине, милосердие, национальное мессианство, различные формы религиозности и безбожие, эсхатологизм восприятия мира.

Концептуальная основа публикации – труды современных филологов и культурологов: Ю.М. Лотмана, И.Л. Бражникова, В.С. Баевского, Н.Г. Меркуловой, Н.В. Худолей, Н.А. Симбирцевой, У. Эко и Р. Барта. В работе использовались общенаучные методы исследования: наблюдение над текстом, анализ, синтез. Также применялись исторический и мотивный методы.

Жизнь и творчество поэтов революционной эпохи, с одной стороны, это свидетельство духовного подвижничества. С другой – образец устойчивости ментальной матрицы народа России.

Практическая значимость статьи состоит в демонстрации возможностей кросс-культурного подхода при исследовании ключевых фигур (и ключевых текстов) современной культуры, а также в выявлении ментальных аспектов творчества представителей Серебряного века русской литературы.

Ключевые слова: *Октябрьская революция, культурные коды, культурная идентичность, «взрыв культуры», отечественная литература.*

Выражая солидарность в отношении реальности культурного кода как объекта и предмета рефлексий, исследователи и донныне не пришли к единству в разработке понятийного аппарата и терминологии, вполне соответствующих феномену кода. Воспринимая этот факт как, безусловно, позитивный, автор считает, что, благодаря отсутствию инвариантности и методологической нормативности, исследователь получает немалую свободу для продуктивных изысканий и умозаключений. Стремление к определенности и доказательности не исключает, как мы понимаем, некоторой вариативности суждений и терминов. В мире науки не существует единого мнения не только в отношении культурного кода, но и собственно культуры. В качестве своеобразной иллюстрации сказанному приведем кажущееся на первый взгляд парадоксальным высказывание Умберто Эко: «Культура есть по преимуществу коммуникация» [Эко, 1998, с. 203]. Кроме всего прочего, этим универсальным определением подтверждается и подчер-

квивается уникальная роль кодов, без которых коммуникация немислима. Неожиданным уже в силу своей простоты кажется и утверждение Ролана Барта, определившего культурный код как «отголоски того, что уже было читано, видано, сделано, пережито; <...> код – это след прошлого» [Барт, 1989, с. 39].

По словам Н.В. Худолей, владение культурным кодом помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем [Худолей, 2014]. Исследователь утверждает: «Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное – не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках» [Там же]. То есть в некотором смысле тайнопись (code word), требующая расшифровки, что, надо полагать, не совсем корректно по отношению к культуре, предполагающей определенную открытость и свободу интерпретаций. Автор считает, что в большей степени сущности кодов соответствует следующее высказывание: «Каждая эпоха предлагает свой набор культурных кодов, открытых к изменениям и порождению новых культурных смыслов и кодов» [Симбирцева, 2016].

В письменном культурном типе, по словам Н.В. Худолей, основным культурным кодом является текст: «Текст порожден контекстом языка и служит его иллюстрацией, <...> он связан с языковым кодом национально-культурного сообщества, и через этот код непосредственно коррелирует с культурой нации. Ядром же книжного культурного типа являются классические тексты <...> такие, которые формируют культурный код нации» [Худолей, 2013, с. 228–230]. Автор вполне разделяет эту точку зрения, выражая согласие и с конгениальным высказыванием Н.Г. Меркуловой, определяющей культурный код как «набор основных понятий, установок, ценностей и норм, который входит в структуру ментальности конкретной человеческой общности» [Меркулова, 2015].

Строго говоря, культурные матрицы русских, и простых обывателей, и великих поэтов, представлены одними и теми же элементами. Однако поэты революционной эпохи, кроме литературного таланта, обладали еще способностью к созданию новых форм и смыслов, причем планетарного масштаба, и, что характерно для части из них, еще и профетическим даром.

В литературе революционной поры особое, поистине знаковое место занимает пьеса «Закат» И.Э. Бабеля. В образно-символическом плане закат означает предвестие бури. Багряный закат – это угасание и смерть дневной жизни, явление столь же естественное, как и ее возрождение с утренней зарей. Образчик гиперболического реализма социальная драма «Закат», вопреки господствующему мнению, это не только традиционная для мировой литературы тема отцов и детей. В пьесе закатом завершается привычная мирная жизнь и начинается кровавая беспощадная революция, которой несть конца. Произведение было опубликовано в журнале «Новый мир» в 1928 году. Думается, что к тому времени Бабель уже не строил в отношении революции гуманистических иллюзий, о чем свидетельствует и тревожная, полная трагических предчувствий атмосфера «Заката».

Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» вскрывает разрушительную сущность революции, определяемую в значительной степени духовно-ментальными традициями России: «Для русской культуры, с ее бинарной структурой, в отличие от западной, тернарной, характерна совершенно иная самооценка. <...> На уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного уничтожения предшествующего развития и апокалипсического рождения нового. <...> Теоретики марксизма писали, что переход от капитализма к социализму будет иметь характер взрыва. Это обосновывалось тем, что <...> социализм начинает совершенно новый период, и зарождение его возможно лишь на развалинах, а не в лоне предшествующей истории...» [Лотман, 1992, с. 268–269]. Опираясь на культурно-исторические данные, Юрий Лотман приходит к выводу: «Русская культура осознает себя в категориях взрыва» [Там же, с. 269].

Подыскивая метафоры, иллюстрирующие роль, значение и судьбу поэта в кромешной круговерти смертельных страстей, именуемых революцией, нельзя обойти вниманием чеканные строки А. Вознесенского (поэма «Мастера», 1959): «Художник первородный – // Всегда трибун. // В нем дух переворота // И вечно – бунт» [Вознесенский]. Но они посвящены творцам всех времен, не только революционных. Отчаянное, гибельное и бесплодное подчас бунтарство, надо признать, это составная часть и русской ментальности, и кодов русской литературы.

Действительно, список имен ключевых фигур художественной культуры России революционной эпохи – это мартиролог бунтарей и ниспровергателей, но также и творцов негромких, сокровенных, сгоревших вместе с громогласными трибунами в огне революции и во славу революции. Это траурный перечень умученных в лагерях, сосланных в дальние края и эмигрировавших на чужбину, а также вынужденных в своем Отечестве замолчать навеки, впасть в немоту. Иным этот список и быть не мог, ибо Сатурн непременно пожирает своих детей. Это в равной мере относится и к русскому дервишу, кудеснику самовитого слова, неприкаянному, блаженному Велимиру Хлебникову, и к аристократу духа, утонченному Александру Блоку. Истинным пророкам и героям революции.

Строго говоря, большинство русских литераторов, включая и декадентов, к революции отнеслись враждебно, предрекая катастрофические последствия правления большевиков, социально-политических реконструкций и реформ, проводимых почти исключительно силовым путем. Одной из первых на события Октября откликнулась Зинаида Гиппиус: «Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, // Смеются пушки, разевая рты. // И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, // Народ, не уважающий святынь» [Гиппиус]. Нельзя не вспомнить и о дальновидности Дмитрия Мережковского, опубликовавшего еще в 1906 году сборник публицистики «Грядущий Хам». Хамом Мережковский именовал «грядущего на царство мещанина», видя в нем необоримую, всевластную, губительную для России силу.

Насколько трезв был в оценке революции один из столпов отечественной словесности Александр Блок? В.С. Баевский пишет: «Революция убила Гумилева,

Ходасевича выдворила из России в эмиграцию. Ахматова, Пастернак, Мандельштам в соприкосновении с ней и в противостоянии ей создали такую поэзию преодоления, какую вряд ли можно было ожидать в более спокойные времена. Блока революция погубила. “Слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка”, – написал поэт за два месяца до смерти К.И. Чуковскому» [Баевский, 1994, с. 207]. Как мы видим, оценивал и трезво, и своевременно, не избежав, однако, фатальной гибели.

Поэма «Двенадцать», завершающая творческий путь Блока, многими воспринимается как гимн большевизму. Развенчивая это суждение, Макс Волошин еще в 1918 году выступил с филиппикой, равной по силе слога и смысловой точности пророческим высказываниям Зинаиды Гиппиус [Гиппиус] и Дмитрия Мережковского: «Говорят, что Блок – большевик, <...> не думаю, чтобы он мог быть большевиком <...> по существу, потому что какое дело такому поэту, как Блок, до остервенелой борьбы двух таких далеких ему человеческих классов, как буржуазия и пролетариат <...>, которые друг на друга <...> похожи как жадностью к материальным благам <...>, так и своим невежеством, косностью и полным отсутствием идеи духовной свободы» [6].

Интересные доводы в отношении революционности Блока и необъяснимой загадки присутствия Христа в первой революционной поэме России приводит И.Л. Бражников: «Факт принятия Блоком революции и факт появления Христа в конце “Двенадцати” лежат в разных плоскостях. Революцию Блок принял как судьбу – свою и России (он их, впрочем, не разделял уже с момента создания цикла “На поле Куликовом”). Христа же Блок именно увидел. Увидел смутно и потому придал ему “наполовину литературный” вид, как скажет потом Блок» [Пощечина..., с. 163].

Исследователь обращает внимание на то, что черно-бело-красная палитра первой части становится бело-красной в заключительной строфе. И белый, и красный цвета святости, цвета мученичества и жертвенности. Красный – цвет пролитой крови на земле, белый – цвет новых одежд в Царствии Небесном. Потому «кровавый флаг» не нарушает гармоничности блоковского образа, оба цвета присущи иконографии Христа, они предвосхищают гражданскую войну, делает смелый вывод И.Л. Бражников, убежденный в том, что «примирение красных и белых возможно только во Христе, и это совершенно явственное послание поэмы» [Там же, с. 171]. Более того, исследователь убежден в том, что в определенном контексте и условиях революция может закономерно восприниматься как откровение, апокалипсис [Там же, с. 109]. Думается, что, в отличие от приведенного выше высказывания исследователя, это утверждение бесспорно. Очевидно, прав автор и в том, что «революционное мироощущение может прямо вытекать из эсхатологических переживаний конечности мира и неизбежности его преображения – восприятие характерное для Блока, Волошина, Белого в конце 10 – начале 20-х гг.» [Там же].

Родоначальник кубофутуризма гениальный Велимир Хлебников воспринимал революцию как стихию, волю вольную, упоительную и безбрежную. В качестве примера приведем цитату из поэтической отповеди нэпу «Не шалить» (февраль 1922 г.; год смерти поэта): «Эй, молодчики-купчики, // Ветерок в голове! // В пугачевском тулупчике // Я иду по Москве!» [Худолей, 2013, с. 174]. «Рожденный революцией» поэт Хлебников, собственно говоря, сам и есть революция. Ошибочно думать, что он всего только ее порождение и лишь отчасти олицетворение, — он именно и плоть, и кровь, и дух ее. Но как революционер (не разрушитель, но созидатель — новатор и переустроитель) Хлебников родился задолго до Октября. В 1912 году (диалог «Учитель и ученик») поэт точно назвал год революции. В числе прочих футурологических свершений описал архитектуру города будущего, в частности «дворцы-книги» («Город будущего». 1920). В этом смысле феноменальна и работа Хлебникова «Радио будущего» (1921), где поэтом фактически «материализуется» Интернет. Заметим также, что пророческий дар будетлянина Хлебникова сочетался в нем с уникальными математическими способностями (трактат «Доски судьбы», изданный в 1922–1923 гг.).

Напомним, что основные принципы футуризма были сформулированы впервые в манифесте, опубликованном в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912): «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» [Пощечина...]. Думается, что на отсутствие пиетета по отношению к реформатору русского языка Пушкину новатор Хлебников имел некоторое право, ибо, образно говоря, «солнышко русской поэзии» творчески его не грело. Хлебников решительно отказался от силлабо-тонического стихосложения. Он, как тонко заметил В. Баевский, «не принял на веру ни одного слова, отнесся к языку и к стиху как к неготовой, живой субстанции, пересоздал поэтическую фонему, лексический запас, словообразование, морфологию, синтаксис» [Баевский, 1994, с. 223]. Смерть, предсказанная им годами раньше, постигла поэта и «Председателя Земного шара» в 37 лет.

Провидцем и страстным обожателем революции был и В.В. Маяковский. В поэме «Облако в штанах» (1914–1915) поэт предрекает: «В терновом венце революции грядет шестнадцатый год». Ошибся на один год. Но роковой, убийственной для него ошибкой стало другое — близость к большевикам, Кремлю и Лубянке. Маяковский периода ЛЕФ, где сложилась теория «социального заказа», — это скорее политический деятель и специалист политической рекламы, агитации и пропаганды, нежели поэт, равный своему дарованию. Подлинно революционными достижениями Маяковского было не сервильное по своей сути идеологическое служение ВКП (б), а поэтическое новаторство. К примеру, бесподобное владение принципами остранения. Поэт вернулся к ораторской интонации, которая после эпохи классицизма утратила главенствующее положение. Однако «если у Ломоносова это выражалось в одическом четырехстопном ямбе, то Маяковский создал новую систему стихосложения — акцентный стих, в котором между удар-

ными слогами может быть любое количество безударных (до семи)» [Баевский, 1994, с. 228]. Приведем цитату из шедевра раннего периода творчества «Нате!» (1914): «Через час отсюда в чистый переулочек // вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, // а я вам открыл столько стихов шкатулочек, // я – бесценных слов мот и транжир» [Маяковский, 1978, с. 86].

Как воспринимал революцию Исаак Бабель – поэт безукоризненного вкуса, не написавший, кажется, ни одной стихотворной строчки? Был ли он певцом Октября, Гражданской войны, коллективизации и индустриализации СССР? В рассказе «Гедали» (1924) из цикла «Конармия» житомирский лавочник старик Гедали обращается к конармейцу Лютову (прототипом которого был сам писатель):

– «Да», кричу я революции, «да», кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед только стрельбу...

– В закрывшиеся глаза не входит солнце, – отвечаю я старику, – но мы расподем закрывшиеся глаза... [Бабель, 1996, с. 31].

Действительно, долгие годы Бабель был активным апологетом и отчасти даже романтиком революции. Она умертвила его в 1940 году, поквитавшись за высказанную им жестокую правду о времени и о себе. Художественная правда, по мнению власти имущей, не менее опасна, чем исторический документ.

Но были среди поэтов этого периода и те, кто **всегда** плыл против течения. К примеру, пылающий черным огнем революционер Владимир Нарбут. Имевший, надо сказать, заслуги не только перед отечественной словесностью, но и перед большевиками-безбожниками. Книга стихов «Аллилуйя» (1912) как кощунственная была сожжена по решению Святейшего синода. Валентин Катаев писал в книге «Алмазный мой венец», что Нарбут умудрялся создавать строчки шестистопного ямба без цезуры, так что тонический стих превращался у него в архаическую силлабику Кантемира. Революционность творческая сочеталась в нем с политической ангажированностью. «Он был мелкопоместный демон, отвергнутый богом революции. Но его душа тяготела к этому богу» [Катаев]. Нарбут в политике начинал как эсер. Воевал на стороне большевиков. Имел тяжелейшие ранения. Прочитируем полные горечи, по сути, автобиографические стихи поэта из книги «Плоть» (1913): «Молчите, твари! И меня прикончит, // по рукоять вогнав клинок, тоска, // и будет выть и рыскать сукой гончей // душа моя ребенка-старичка» [Нарбут]. Смерть он примет, как и предрекал в стихах, насильственную, страшную уже своей предрешиенностью. В 1938 году его расстреляют.

Полагаем, что среди родовых черт поэтов Серебряного века, кроме уникального дара «глаголом жечь сердца людей», столь же ярко проявился и дар предвидения. Своей судьбы, как в случае с Нарбутом, Цветаевой и Есениным, как в случае с Гумилевым, написавшим в 1917 году пророческое: «И умру я не на постели, // При нотариусе и враче, // А в какой-нибудь дикой щели, // Утонувшей в густом плюще» [Гумилев]. И судеб мира, как в случае с Хлебниковым и Волошиным.

Исходя из посыла, что культура изобилует разного рода кодами, можно предположить, что в качестве кодовых единиц ментальной (онтологической) ма-

трицы России выступают такие черты и качества русского народа, как любовь к родине, милосердие, обостренное чувство справедливости, жертвенность, толерантность и веротерпимость. Состоящие в гармонической связи с национальным мессианством, религиозностью, включая и стихийную, и одновременно гностицизмом, суеверностью и безбожием, катастрофизмом и эсхатологизмом восприятия мира, – вместе с вековой покорностью и дремлющим до поры духом бунтарства, они образуют причудливые культурно-ментальные комбинации, свойственные только народу России.

Поэты революционной поры – не рядовые участники литературного процесса, фатально и счастливо совпавшего с величайшим из событий мировой истории, – они подлинные властители дум человеческих, акторы большой истории, ее творцы и мученики. Код и плоть культуры связаны нерасторжимо между собой, поэтому самые талантливые из поэтов революционного периода истории отечественной литературы были и протагонистами и антагонистами революции, ее героями и жертвами – творцами, хранителями и носителями культурных кодов России. Ментальные матрицы отечественной культуры, испытанные на прочность в условиях общественно-политических кризисов XX века и доныне не утратили субъектной основательности и действенной силы, сохраняя духовный гомеостаз нации.

Библиографический список

1. Бабель И.Э. Сочинения: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 632 с.
2. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980 гг. Компендиум. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Бражников И.Л. Русская литература XIX–XX веков: монография. М.: МПГУ, 2011. 240 с.
5. Вознесенский А.А. Мастера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/voznnes/mastera/> (дата обращения: 10.12.2017).
6. Волошин М.А. Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // Литература и жизнь. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revoluciya.html (дата обращения: 10.12.2017).
7. Гиппиус З.Н. Веселье // World-Art [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9173> (дата обращения: 10.12.2017).
8. Гумилев Н.С. Я и Вы // Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/verses/83/> (дата обращения: 10.12.2017).
9. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Литературный клуб. В.П. Катаев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valentinkataev.ru/content/view/670/476/> (дата обращения: 10.12.2017).
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
11. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 1. 432 с.
12. Меркулова Н.Г. Менталитет – Культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kultury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatiy#ixzz4haYQhCh3> (дата обращения: 10.12.2017).
13. Нарбут В.И. Плоть // Вечерний Гондольер. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://gondolier.ru/biblio/narbut/narbut4_1.html (дата обращения: 10.12.2017).

14. Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства. Стихи. Проза. Статьи // Rarurs's Gallery [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raruss.ru/avant-garde/2468-poshchchina-obshchestvennomu-vkusu.html> (дата обращения: 10.12.2017).
15. Симбирцева Н.А. Код культуры как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kultury-kak-kulturologicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 10.12.2017).
16. Хлебников Велимир. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
17. Худолей Н.В. Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (29-1) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-literaturnyy-kod-sovremennogo-rossiyskogo-chitatelya#ixzz4hablBiiC> (дата обращения: 10.12.2017).
18. Худолей Н.В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации // Проблемы современной аграрной науки. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2013. С. 228–230.
19. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник; ред. М.Г. Ермакова. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Сведения об авторе

Гревнев Владимир Михайлович – аспирант кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; e-mail: sofer2002@gmail.com

MENTAL MATRICES OF RUSSIAN CULTURE AND THEIR BEHAVIOURAL SCENARIOS DURING THE TIMES OF CRISIS (POETS OF THE REVOLUTION: PREDICTORS, PROTAGONISTS, VICTIMS)

V.M. Grevnev

Abstract

The author of this article, devoted to poets of the revolutionary times, the bright representatives of Russian culture and mentality, points out the general for them and Russian culture codes, including those of self-destruction, “imprinted” together with the codes of creation into some kind of ontological matrix of Russia. In the article two discourses, philological and culturological have been integrated. Recognized masters of words of the beginning of the 20th century, being adherents of the innovative ideas in literature, have cardinally affected the fate of domestic and world culture. At the same time they remained carriers of the national mentality which is most brightly shown in literary creativity. The immanent qualities of the Russian mentality which thanks to poets have found the status of a spiritual quintessence of Russian have found the expression in their poetry.

Proving the concept of a research, the author gives excerpts from publications of modern philologists and culturologists of Russia and Europe: Y.M. Lotman, I.L. Brazhnikov, V.S. Bayevsky, N.G. Merkulova, N.V. Hudoley, N.A. Simbirtseva, U. Eko and R. Bart. In the work general scientific methods of a research were used: observation over the text, the analysis, synthesis. Also comparative and historical, biographic and motive methods were applied.

Life and works of poets of the revolutionary era, on the one hand, is eloquent evidence of spiritual self-sacrifice and moral obligation. On the other hand - an example of stability of mental matrix of the people of Russia.

The practical importance of article consists in demonstration of opportunities of cross-cultural approach to the research of key figures (and key texts) of modern culture and also of identification of mental aspects of creativity of representatives of the Silver age of the Russian literature.

Key words: *culture codes, the October Revolution, cultural identity, “the cultural explosion”, native literature.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Babel' I. EH. Sochineniya. V 2 t. M.: TERRA, 1996. T. 2. 632 c.
2. Baevsij V.S. Istoriya russkoj poehzii: 1730–1980 gg. Kompendium. Smolensk: Rusich, 1994. 304 c.
3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika. M.: Progress, 1989. 616 s.
4. Brazhnikov I.L. Russkaya literatura XIX–XX vekov. Monografiya. M.: MPGU, 2011. 240 s.
5. Voznesenskij A.A. Mastera [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/vozn/mas-tera/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
6. Voloshin M.A. Poehziya i revolyuciya. Aleksandr Blok i Il'ya Erenburg // Literatura i zhizn'. Biblioteka [Elektronnyj resurs]. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revolyuciya.html (data obrashcheniya: 10.12.2017).
7. Gippius Z.N. Vesel'e // World-Art [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9173> (data obrashcheniya: 10.12.2017).

8. Gumilyov N. S. YA i Vy // Nikolaj Gumilyov. Elektronnoe sobranie sochinenij [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gumilev.ru/verses/83/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
9. Kataev V.P. Almaznyj moj venec // Literaturnyj klub. V.P. Kataev [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.valentinkataev.ru/content/view/670/476/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
10. Lotman YU. M. Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis; Progress, 1992. 272 s.
11. Mayakovskij V.V. Sobranie sochinenij v 12 t. T. 1. M.: Pravda, 1978. 432 s.
12. Merkulova N.G. Mentalitet Kul'turnyj kod YAzyk kul'tury: k voprosu o korrelyacii ponyatij // Regionologiya. 2015. № 2. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kul'tury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatij#ixzz4haYQhCh3> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
13. Narbut V.I. Plot' // Vechernij Gondol'er. Biblioteka [Elektronnyj resurs]. URL: http://gondolier.ru/biblio/narbut/narbut4_1.html (data obrashcheniya: 10.12.2017).
14. Poshchyochina obshchestvennomu vkusu. V zashchitu svobodnogo iskusstva. Stihi. Proza. Stat'i // Rarurs's Gallery [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.raruss.ru/avant-garde/2468-poshchchina-obshchestvennomu-vkusu.html> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
15. Simbirceva N.A. Kod kul'tury kak kul'turologicheskaya kategoriya // Znanie. Ponimanie. Umenie, 2016. № 1 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kul'tury-kak-kul'turologicheskaya-kategoriya> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
16. Hlebnikov Velimir. Tvoreniya. M.: Sovetskij pisatel', 1986. 736 s.
17. Hudolej N.V. Kul'turnyj literaturnyj kod sovremennogo rossijskogo chitatelya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2014. № 4 (29-1) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-literaturnyy-kod-sovremennogo-rossijskogo-chitatelya#ixzz4hablBiiC> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
18. Hudolej N. V. Hudozhestvennyj tekst kak translyator kul'turnogo koda nacii // Problemy sovremennoj agrarnoj nauki. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. agrar. un-t., 2013. S. 228-230.
19. EHko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / per. A.G. Pogonyajlo i V.G. Reznik; red. M.G. Ermakova. SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.

About the author

Vladimir Mihaylovich Grevnev – Postgraduate, the department of Philosophy and Culturology of Saint Petersburg Humanitarian Trade-Union University; e-mail: sofer2002@gmail.com

УДК 82

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА В СОВЕТСКОМ МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛА «БЫТИЕ К СМЕРТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ А. ПЛАТОНОВА)

О.А. Глушенкова

Аннотация

Проблема и цель данного исследования заключаются в необходимости анализа языковых особенностей текстов А. Платонова через утопическую проблематику преодоления смерти посредством деконструкции языка. Языковая деконструкция в преодолении смерти рассматривается в контексте экзистенциала М. Хайдеггера «Бытие к смерти». Связь А. Платонова с М. Хайдеггером обозначает М. Эпштейн в статье «Язык бытия у Андрея Платонова» [Эпштейн, 2006], подчеркивая, что именно хайдеггерианская метафизика, а не учение Н. Федорова наиболее полно способна определить интенции платоновских текстов.

Методологию исследования составляет метод контекстуального анализа и деконструкции.

Результаты. В текстах А. Платонова проявляется тенденция к объективации субъекта деятельности от ее материального осуществления, бытия-переживания и процесса умирания. Отрицание личного «присутствия» героев при собственном умирании, отказ от участия в процессе позволяют говорить о парадоксальности нереализации основного экзистенциала человеческого существования, посредством которого определяется бытие, – экзистенциала «Бытие к смерти» [Хайдеггер, 1997]. Таким образом, отказ от его реализации не только позволяет преодолеть смерть как единственно личное переживание, но и создает проблему симуляционности бытия в пространстве платоновского текста, что открывает путь дальнейшим исследованиям в данной области.

Заключение. Утопическая интенция к преодолению смерти в текстах А. Платонова реализуется не только через сюжет, что характерно для ранних рассказов, но и через структуру языка, что особенно ярко показано в тексте «Котлована» [Платонов, 1990]. Деконструкция языка писателя и анализ текста через популярные в начале XX века экзистенциалы (в данном случае – экзистенциал «Бытие к смерти») позволяют по-новому взглянуть на произведения А. Платонова и репрезентируемую им действительность политически неоднозначных сегодня 20–30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: А. Платонов, М. Хайдеггер, СССР, деконструкция, «Бытие к смерти».

Проблема и цель данного исследования заключается в необходимости анализа языковых особенностей текстов А. Платонова через утопическую проблематику преодоления смерти посредством деконструкции языка. Фундаментальная значимость языка для определения бытия очевидна: наиболее точно она сформулирована М. Хайдеггером в его высказывании «Язык – это дом бытия» [Хайдеггер, 2001]. Через язык бытие определяется человеком, явления воспринимаются в тех или иных формах с различными коннотациями. Неудивительно, что смена важной части бытия – объективной действительности – влечет за собой трансформацию языка, как следствие – изменение действительности уже субъек-

ективной, другой важной части бытия. Стоит отметить, что связь язык-бытие не односторонняя, язык последовательно влияет на бытие через трансформацию уже действительности субъективной, что становится особенно актуально именно в 20-е годы в свете задачи воспитания нового человека для нового общества и государства, ментальное пространство которого претерпевает существенные изменения.

Период 20-х годов в СССР характеризуется радикальной сменой мировоззрения: отделением церкви от государства, программой Ликбеза, политической пропагандой новой государственности. В ментальном пространстве советского государства существенные изменения претерпел язык, столкнувшийся с множеством новых явлений. Сохранившиеся до 40-х годов интернационалистические тенденции в идее мировой революции также способствовали трансформации языка уже в контексте отказа от описания явлений национального характера – к вненациональному – без границ, интернациональному.

В политических тезисах, помимо коммунизма как советской власти и электрификации страны, звучат призывы накормить народ – Гражданская война, связанный с ней массовый голод ставят на повестку дня проблему физического выживания. В данном контексте – радикальное изменение политического курса, построение коммунистической утопии, обыденность смерти из-за голода и войны, – актуализируется проблема нового языка. А. Платонов репрезентирует новую действительность советскими канцеляризмами, с одной стороны, и выстраивает особое отношение к смерти путем объективации процесса умирания – с другой [Ковтун, Проскурина, Васильев, 2009].

Методологию исследования составляют сравнительно-исторический метод и метод деконструкции. Язык в текстах Платонова подвергается деконструкции – разрушению привычной грамматики, дестабилизации смыслов, происходит разрыв означающего и означаемого, открываются новые смыслы в описании привычных ситуаций, которые за счет речи персонажей выглядят абсурдно: «– *Прощай, – сказал ему Сафронов, – ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения...*» [Платонов, 1990]. В данном фрагменте из повести «Котлован» происходит объединение двух ментальностей: христианской – понятия «ангел» и «вознесение» – и новой, пролетарской – понятия передовиков, «служебных учреждений», что порождает комичный эффект. Деконструкция проявляется в дестабилизации традиционных ценностей – христианских – и непринятии структуры новых ценностей – за счет их перевода в контекст старых, происходит слияние двух пространств с сохранением каждым своей идентичности, что и рождает эффект абсурда. Данный пример представляет деконструкцию контекста, которая и открывает бесконечное множество контекстов других.

Период 20-х характерен стремлениями к построению нового общества. А. Луначарский делает доклад о новом человеке, поставив задачу воспитания новой личности перед молодой советской педагогикой. Крупская дирижирует исходом женщин из кухонного рабства [Ковтун, 2009] под аккомпанемент «новой мо-

рали» А. Коллонтай [Коллонтай, 1919], Е. Ярославский же тяжелой артиллерией «Безбожника» бьет по религии во имя борьбы за социализм. Этот период слияния воображаемого и символического готовит почву для действительности реального, которая будет реализована в 30-е. До тех пор «реальным» 20-х годов будет проза Гражданской войны, голода и смерти.

С подчеркнутой телесностью, «болеющие животом» герои в текстах писателя часто балансируют на грани жизни – удержания себя в изможденном теле – и смерти. При этом тело их, как правило, изувечено / измождено во времена, когда не было Советской власти. В рассказе «Родина электричества» главный герой во время крестного хода встречает старуху: «...на старухе немного осталось живого вещества, пригодного для смерти, для гниения в земле» [Платонов, 1990]. Старуха истощена во времена несправедливости, как думает главный герой, решивший посвятить ей жизнь как символу, жертве капитализма. Категория же людей, которым в новом обществе не место, выглядят принципиально иначе: они сыты, откормлены и пугливы, потому что боятся лишиться благополучия. Казалось бы, в своей телесной полноте они далеки от смерти хотя бы потому, что постоянно едят: «Муж Татьяны Васильевны опять ел за столом свой ужин» [Платонов, 1990], «В кабинет Пашикина вошла его супруга — с красными губами, жующими мясо» [Платонов, 1990], «...Нур-Мухаммед ...много ел риса, мяса и фруктов» [Платонов, 2010]. Однако при всем различии телесного истощения и повреждений в минувшие времена, политический статус персонажей выходит на второй план: умирают как бедняки и дети, для которых строится новое общество, так и бесплодный («у них не любят дети рождаться» [Платонов, 1990]) класс мещан и буржуазии.

Отношение к смерти, к самому процессу умирания у людей прошлого и людей будущего фактически не различается. Герои не испытывают агонии, не молят о пощаде, часто даже не противятся своей участи: в отношении смерти персонажи А. Платонова представлены закоренелыми фаталистами. Копенкин из «Чевенгура» просто ложится лицом вниз, будто на отдых, кулаки в «Котловане» спокойно заходят на плот, который обречен. Смерть не осуществляет идеологических различий в пространстве текстов А. Платонова, однако проблема смертности, не только насильственной или от голода, но и естественной поднимается в текстах: новый человек, пролетарий и бедняк умирать не должен: «А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!» [Платонов, 1990].

В связи с этим вспоминается концепция Н. Федорова о «воскрешении отцов» и с общей целью борьбы со смертью, с которой писатель действительно был знаком. Подчеркнем, А. Платонов не остается в рамках федоровской традиции преодоления смерти. В «Котловане» происходит диалог, указывающий на ограниченность идеи буквального воскрешения, более того, преодоления идеи первого космиста: «Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? – Нет, – сказал Прушевский. – Врешь, Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» [Платонов, 1990].

Для понимания сложных отношений А. Платонова с идеей смерти и ее преодоления уместна концепция другого мыслителя – М. Хайдеггера, парадоксальное сходство с которым отмечает еще М. Эпштейн, говоря об особой метафизичности А. Платонова и поэтичности, лингвоцентричности немецкого философа. А. Платонова и Хайдеггера объединяют особый язык и цель построения подобного языка: это основной вопрос, занимавший обоих мыслителей, который оказывается «над идеологическим» – об отношении человека и бытия.

Именно новизна языка роднит Платонова с М. Хайдеггером, технически отточившим немецкие слова, необходимые для постановки вопроса о бытии, небытии и существовании, замкнув их, таким образом, на философской проблеме, «сконструированный» язык не является разговорным. Слова же А. Платонова нарочито исковерканы, текст изобилует советскими канцеляризмами, автор производит стилистическую чехарду, заставляя председателя сельсовета говорить стихами, маленьких детей – штампованными фразами из брошюры по политграмотности, а простых мужиков – философствовать и вопрошать.

Немецкий философ разрабатывает новый язык, в который включает экзистенциал для определения бытия – это «Бытие к смерти» [Хайдеггер, 1997]. Данный экзистенциал представлен М. Хайдеггером как единственное действительно личное переживание заброшенности перед лицом смерти. Ужас заброшенности характеризуется отсутствием объекта, так как смерть не представляет собой объект, а только естественность существования, экзистенцию любого человека. Таким образом, смерть есть самое «личное», что в контрасте позволяет определить объективное, действительное, бытие. Именно смерть через «Dasein» демонстрирует тотальность временности как характеристики человеческого бытия.

Язык А. Платонова выстраивает новое пространство, основанное на уменьшении и объективации личных переживаний героев – либо их отсутствию, либо, в отдельных случаях, путем расчленения существа героя и его ума – пространства, где происходит переживание. Пример с землекопом Чиклиным из «Котлована», узнавшим, что девочка Настя, бывшая рабочим, вместо политических лозунгов, объектом заботы и вдохновения, умерла. Чиклин принимается копать землю, пытаясь занять свое тело: *«В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла»* [Платонов, 1990].

А. Платонов избегает личного обращения и переживания, бытия героев. Пример из «Котлована» описания инженера Прушевского: *«И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни»* [Платонов, 1990]. Предложение построено по принципу несвязанности инфинитива смерти – «скончаться» с действительным субъектом смерти. Писатель объективирует процесс умирания, более того, в данном примере демонстрируя его как выбор и волю субъекта – «решив скончаться».

«Котлован» начинается с увольнения одного из протагонистов – Вощева, которому было тридцать лет, далее следует ставшая уже классической фраза: «В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчет с небольшого механическо-

го завода, где он добывал средства для своего существования» [Платонов, 1990]. Выражение «в день тридцатилетия» не относится напрямую к носителю тридцати лет, в отличие от более подходящей фразы «Вощеву было тридцать лет», где присутствует глагол «быть», означающий прямую экзистенцию к объекту, Вощеву. Разрыв экзистенции в субъект-объектных отношениях, более того, внутри самого героя, который таким образом лишается своих сущностных свойств (30 лет у Вощева, ум Чиклина), приводит к выстраиванию символического пространства с нарочитым отсутствием процессуальной экзистенции субъекта.

Результаты. Отсутствие обыкновенного для литературных текстов бытия-переживания представляется писателю не только в объективации по отношению к деятельности субъектов. Процесс бытия присутствует, но намеренно выделяется, например: «– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – Я здесь не существую, Я только думаю здесь» [Платонов, 1990]. Деконструируя язык путем объективации переживаний, А. Платонов не просто ликвидирует личное, например: «– Зачем же он был? – Не быть он боялся» [Платонов, 1990], но и преобразует таким образом личное в общественное, преодолевая в контексте экзистенциала «бытия смерти» принципиально личностный опыт смерти, а значит, и саму смерть, ее процесс – умирание. Подобная практика применяется в религиозных дискурсах, основанных на идее подобия человека Богу как создателю всего сущего, а значит – и включенности человека в это сущее, его неуязвимости и бессмертия. Подобный опыт кажется на первый взгляд мистическим, но А. Платонов воплощает принцип «Смерти нет!» в рамках языка. Смерть представляет собой культурный феномен, основанный на явлении утраты для человека, если происходит гибель другого, и глубоко личное переживание, окончание которого невозможно обозначить, если явление гибели постигает самого человека.

Заключение. Таким образом, писатель преодолевает смерть через деконструкцию языка, внутри самого языка – путем преобразования личного в общественное, ликвидировав единственный принципиально личный опыт, который позволяет человеку объективировать сущее – опыт переживания смерти в трактовке М. Хайдеггера – экзистенциал «бытие к смерти».

Библиографический список

1. Брель С. Культурные контексты поэтики «живого» – «неживого» А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наследие, 2000. Вып. 4. С. 239–245.
2. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
3. Ковтун Н.В. «Семейный вопрос» в советской литературе 1920–1930-х годов // Универсалии культуры. Вып. 2: Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сб. науч. тр. Красноярск: СФУ, 2009. С. 174–182.
4. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК, 1919.
5. Платонов А.П. Государственный житель: проза, ранние сочинения, письма. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.

6. Платонов А.П. Джан. М.: Директ-медиа, 2010.
7. Платонов А. Песчаная учительница. М.: Современник, 1990.
8. Федоров Н.Ф. Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 133–182.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Изд-во Ad Marginem, 1997. 452 с.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. С. 221–238.
11. Хайдеггер М. Время картины мира / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. С. 41–63.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
13. Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию / пер. с нем. В.В. Анашвили // Логос. 1995. № 6. С. 303–309.
14. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб., 2001. 445 с.
15. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 383 с.
16. Хайдеггер М. Проселок / пер. с нем. А.В. Михайлова // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. С. 4–7.
17. Хайдеггер М. Путь к языку / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. 1. С. 259–273.
18. Херрманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: пер. с нем. Минск, 2000. 192 с.
19. Эпштейн М. Язык бытия у А. Платонова // Вопросы литературы. 2006. № 2.
20. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. Frankfurt am Main, 2000.

Сведения об авторе

Глушенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: netzumi@mail.ru

DECONSTRUCTION OF LANGUAGE IN THE SOVIET MENTAL SPACE IN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL «BEING TO DEATH» (BASED ON THE MATERIAL OF TEXTS BY A. PLATONOV)

O.A. Glushenkova

Abstract

The problem and the purpose of this study consist in the necessity to analyze the language features of A. Platonov's texts through the utopian problems of overcoming death by means of the deconstruction of the language. Language deconstruction in overcoming death is considered in the context of M. Heidegger's existential "Being to Death". The connection between A. Platonov and M. Heidegger is mentioned by M. Epshtein in the article «The language of life of Andrei Platonov» [19] emphasizing that it is Heideggerian metaphysics, and not the teachings of N. Fedorov, which is most fully capable of determining the intentions of Platonov's texts.

The methodology of the study is based on the contextual analysis method and the method of deconstruction.

Results. In the texts by Platonov there is a tendency to objectify the subject of activity from its material implementation, being-experience is separated from the process of dying. The denial of the personal "presence" of the characters at their own process of dying, their refusal to participate in this allow us to speak about the paradox of not realizing the basic existential of human existence, by means of which being-existential "Being to Death" is defined [Heidegger, 1997]. Thus, the rejection of its implementation not only allows us to overcome death as the only personal experience, but also creates a problem of simulation essence of being in the space of the Platonic text which opens the way to the further research in this field.

The conclusion. The utopian intention to overcome death in the texts of A. Platonov is realized not only through the plot, which is typical of his early stories, but also through the structure of the language, which is especially vividly shown in the controversial text of "Pit" [Platonov, 1990]. The deconstruction of the writer's language and the examination of the text through existentials popular in the early twentieth century, in this case, the existential "Being to Death", allows us to take a fresh look at the works of A. Platonov and the reality of politically ambivalent today the 20–30s of the XX century.

Key words: *A. Platonov, M. Heidegger, USSR, deconstruction, "Being to Death".*

Bibliograficheskiy spisok

1. Brel' S. Kul'turnye konteksty poehtiki «zhivogo» – «nezhivogo» A. Platonova // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva. M.: Nasledie, 2000. Vyp. 4. S. 239–245.
2. Kollontaj A. M. Novaya moral' i rabochij klass. M.: VCIK, 1919.
3. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaya proza nachala HKH veka (A. Bogdanov i A. Platonov) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 129–140.
4. Kovtun N.V. «Semejnyj vopros» v sovetskoj literature 1920–1930-h godov // Universalii kul'tury. Vyp. 2: Filosofiya – ehstetika – literatura: diskurs i tekst: sb. nauch. tr. Krasnoyarsk: SFU, 2009. S. 174–182.
5. Platonov A. P. Gosudarstvennyj zhitel': Proza, rannie soch., pis'ma. Minsk: Mastackaya literatura, 1990.
6. Platonov A.P. Dzhan. M.: Direkt-media, 2010.

7. Platonov A. Peschanaya uchitel'nica. M.: Sovremennik, 1990
8. Fedorov N.F. Iz materialov k tret'emu tomu «Filosofii obshchego dela». II Voprosy filosofii. 1993. № 1. S. 133–182.
9. Hajdegger M. Bytie i vremya. M.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 1997. 452 s.
10. Hajdegger M. Vremya kartiny mira / Per. s nem. V.V.Bibihina // Vremya i bytie. S. 41–63.
11. Hajdegger M. Vopros o tekhnike / Per. s nem. V.V.Bibihina. // Vremya i bytie. S. 221–238.
12. Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya / Per. s nem. A.V.Mihajlova // Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. M.: Gnozis, 1993.
13. Hajdegger M. Moj put' v fenomenologiyu / per. s nem. V.V. Anashvili // Logos. 1995. № 6. S. 303–309.
14. Hajdegger M. Osnovnye problemy fenomenologii / per. s nem. A.G. Chernyakova. SPb., 2001. 445 s.
15. Hajdegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni / Per. s nem. E.V.Borisova. Tomsk: Vodolej. 383 s.
16. Hajdegger M. Proselok / per. s nem. A.V. Mihajlova // Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. S. 4–7.
17. Hajdegger M. Put' k yazyku / per. s nem. V.V. Bibihina // Vremya i bytie. 1. C. 259–273.
18. Herrmann F.-V. fon. Ponyatie fenomenologii u Hajdeggera i Gusserlya: per. s nem. Minsk, 2000. 192 s.
19. Ehpshtejn M. Yazyk bytiya u A. Platonova // Voprosy literatury. 2006. № 2.
20. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. Frankfurt am Main, 2000.

About the author

Olga Alexandrovna Glushenkova – post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Ada Lebedeva str., 660049, Russia; e-mail: netzumi@mail.ru

УДК 82

ОБРАЗ ЛЕТЧИКА В САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»)

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются роль и функции образа летчика в советской сатирической литературе. Актуализируется проблема конструирования ментальной карты посредством авиационного текста. *Цель* статьи – выявление идеологически значимых особенностей образа авиатора, определение его функции в рамках конструирования новой ментальной карты молодого Советского государства.

Методологию исследования составляют сравнительно-исторический, культурологический, социологический методы.

Результаты. На основе междисциплинарного анализа авиационных мотивов в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) выявлены основные черты образа летчика, механизмы конструирования модели героя, а также важнейшая функция авиационных образов – структурирование пространства, причем как на государственном, так и на примитивно-бытовом уровнях. В статье это противопоставление обозначено как антитеза «неведомой страны», где есть место лишь достойнейшим, и коммунальной квартиры – «Вороньей слободки», которая становится пристанищем для «бывших» людей, чья мелкобуржуазная идеология не соответствует линии партии.

Заключение. Предложенная в статье концепция образа авиатора в сатирическом романе вписывается в общую тенденцию рассмотрения соцреалистического героя, что свидетельствует о едином способе конструирования образа сверхчеловека в рамках исследуемого периода. Авиационные мотивы являются значимыми в процессе создания новых представлений о пространстве, а также репрезентации социальной стратификации в литературе и культуре.

Ключевые слова: авиационные мотивы, образ авиатора, ментальная карта, советская литература, утопия, поэтика пространства.

Статья посвящена анализу авиационных мотивов и образа авиатора в сатирическом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) [Ильф, Петров, 2009]. Образ летчика рассмотрен с позиций поэтики пространства, это обусловлено тем, что, с одной стороны, посредством авиационного текста описывались обширные северные территории, что способствовало формированию новой ментальной карты [Эткинд, 2001], включающей неизведанные земли, доступные лишь сверхлюдям на стальных птицах, с другой – в романе продемонстрирована социальная иерархия, где маркером принадлежности к той или иной страте служила возможность занимать более или менее обособленную жилплощадь.

В «Золотом теленке» есть два противоположных полюса: «неведомая страна» – новая Россия, частью которой являются небо Арктики и находящийся там

летчик Севрюгов, и коммунальная квартира «Воронья слободка», представленная осязаемо, вещно, населенная реальными людьми, типичными для прошлой эпохи, обывателями. Семантика прозвища коммунальной квартиры – «Воронья слободка» – дает четкое представление о характере ее обитателей, еще ярче высвечивая разницу между образами героического авиатора и ворона.

Пространство ирреальное, где находится авиатор, присутствующий в тексте имплицитно, дано в виде реплик жителей коммунальной квартиры, радио-сообщений, а также авторских описаний. Этот контраст между вещным и неосязаемым обозначает, прежде всего, роковой разрыв, порожденный бурей революции. Подобные антитезы согласуются с траекторией творчества авторов исследуемого периода. В 1930 году, о чем говорит Л.М. Яновская [Яновская, 1963], И. Ильфом и Е. Петровым были созданы произведения, также посвященные теме пропасти между старым и новым, отраженной в пространственных категориях – сатирическое обозрение «Путешествие в неведомую страну» и рассказ «Граф Средиземский».

В «Золотом теленке» авиатор Севрюгов по заданию Осоавиахима летит в полярную командировку на поиски иностранной экспедиции. После обнаружения координат пропавших летчик пропадает сам: «– Долетался, желтоглазый! – бормотала бабушка, имени-фамилии которой никто не знал» [Ильф, Петров, 2009]. Полет противоречит внутренним установкам соседей героя по коммуналке. В речи бабушки звучит удовлетворение неудачей авиатора, дворник Никита Пряхин (профессия тоже обладает символическим наполнением, дворник близок к земле, связан с уборкой мусора) не менее злорадно восклицает: «– Пропал наш квартирант! <...> А не летай, не летай. Человек ходить должен, а не летать. Ходить должен, ходить» [Ильф, Петров, 2009].

Подобные рассуждения связывают данную коллизию с некоторыми знаковыми текстами русской литературы, например, драмой А.Н. Островского «Гроза»: «Катерина. Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. <...> Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела» [Островский]. Сами мысли о полете могут возникнуть только у нетипичного персонажа, одухотворенного, способного соприкоснуться с небом как сакральным пространством (стоит вспомнить рассказы Катерины о ее экстатических пограничных состояниях). Варвара, будучи органичным элементом «темного царства», останавливает Катерину. Буквально та же ситуация повторяется в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки – ту же, как можно ту же, натужиться надо, – и полетела бы. Вот так! – Полно, ты упадешь» [Толстой]. И Катерина и Наташа Ростова в момент своей мечты о полете находятся в пограничном состоянии, и той и другой мешают слиться с небом.

Ненависть населяющих коммунальную квартиру к авиатору примитивна: эта ненависть порождена глубоким непониманием функций летчика, его статуса. Возникает коллизия, описанная М. Горьким в «Песне о соколе», где после недол-

гих сомнений приходит к выводу: «Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье – землей живу я» [Горький, 2017].

В «Золотом теленке» лиминарность не просто чужда обывателю, она представляется ему противоестественной, прежде всего потому, что способность к бытию в пограничье отделяют Севрюгова от остальных, делает его несоизмеримо выше.

Авиатор противопоставлен и конкретным персонажам, например, бывшему князю Гигиенишвили, который «за самоуправство просидел в тюрьме четыре месяца и вернулся оттуда злой как черт» [Ильф, Петров, 2009]. Бесовские коннотации образа «князя» очевидны [Подковырин, 2007; 2008]. Он является инициатором изгнания Севрюгова: «гражданин Гигиенишвили взломал замок на севрюговской двери и выбросил в коридор все имущество героя, в том числе висевший на стене красный пропеллер» [Ильф, Петров, 2009]. Пропеллер в текстах авиационной тематики – значимая деталь, он заменяет могильный памятник или крест на местах захоронения погибших летчиков, «князь» оскверняет сакральную для летчика вещь.

Помещение Гигиенишвили в тюрьму знаменует формирование трехчастной модели пространства: тюрьма – коммуналка – «неведомая страна» (туда включено и небо Арктики, и новая отдельная квартира, дарованная летчику) [Франк, 2011]. Все три участка жестко контролируются государством. Коммуналка – отправная точка, оттуда власть может переместить в две другие, руководствуясь заслугами граждан.

Ненависть населяющих общую жилплощадь к авиатору примитивна, порождена глубоким непониманием его функций, статуса, а также неприятием его отделенности от коммунального быта, выходом из поля зрения соседей, а следовательно, из-под их, хоть и иллюзорной, коллективной власти. Осознание героизма летчика Севрюгова, однако, происходит у одной представительницы «Вороньей слободки» – Варвары Лоханкиной: «– Как вам не стыдно, гражданин Пряхин! – возражала Варвара, размахивая “Известиями”. – Ведь это герой! Ведь он сейчас на 84 параллели... – Что еще за параллель такая, – смутно отзывался Митрич, – может, никакой такой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались» [Ильф, Петров, 2009]. Слова Митрича совершенно естественным образом отражают картину мира бывшего человека, помещенного в новые условия, стоит вспомнить повесть М.А. Булгакова «Собачье сердца» (1925): «Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными не жили» [Булгаков]. Подобное мировоззрение сближает жильцов коммунальной квартиры с Шариковым, который должен был стать новым человеком, но внутренние, отчасти обусловленные материалом, из которого был создан гомункул, установки не позволили ему совершить онтологический рывок.

В 20–30-е годы топос коммунальной квартиры был одним из самых тиражируемых в советской литературе [Одесский, 2014; Куляпин, Скубач, 2013]. По мнению А. Беззубцева-Кондакова, коммунальная квартира, в отличие от

коммуны, способствовала формированию мелкобуржуазного мировоззрения [Беззубцев-Кондаков, 2005]. Таким образом, конфликт авиатора и жителей «Вороньей слободки» приобретает не столько бытовой, сколько политический оттенок [Ковтун, 2013]. Подобно тому как противостоит революционная романтика мещанскому счастью в «Гадюке» А.Н. Толстого, у Ильфа и Петрова противостоит мелкобуржуазность болезненного собственничества коммунистической одухотворенности [Ковтун, 2009].

Огромные территории, отмеченные именем Севрюгова, противопоставлены тесному пространству коммуналки, где люди вынуждены утрачивать человеческое в погоне за жилплощадью. Летчик – личность планетарного масштаба: «Весь мир, волнуясь, следил за полетом Севрюгова. <...> Целый месяц жилец квартиры номер три летал над ледяной пустыней, и грохот его моторов был слышен во всем мире» [Ильф, Петров, 2009]. Жители «Вороньей слободки», напротив, осваивают и присваивают не весь мир, а комнату авиатора. В связи с именем летчика появляется масса топонимов («Нижний Новгород, Квебек и Рейкьявик услышали позывные Севрюгова») и множество фамилий интересных людей, не зависящих от быта: «московские халтурщики» Услышкин-Вертер, Леонид Трепетовский и Борис Аммиаков, писатель Габриэль д'Аннунцио. Авиатор свободен от вынужденного сосуществования с другими, ему даровано право на приватность.

Государство в квартирном вопросе оказывается на стороне героя, что является явной демонстрацией позиции власти по отношению к авиации. Севрюгов не просто спасен физически – от нищеты и бродяжничества, он спасаем властью духовно: «засосала бы его центростремительная сила сутяжничества, и до самой своей смерти называл бы он себя не “отважным Севрюговым”, не “ледовым героем”, а “потерпевшей стороной”». Позже он вообще исключается из жилого пространства обывателя: «Комнату вернули (Севрюгов вскоре переехал в новый дом)» [Ильф, Петров, 2009]. Таким образом, авиатор получает естественное право – на отдельное жилье, на уединение, на индивидуальность. Государство побеждает в конкурентной борьбе за власть над летчиком, относится к нему по-отечески [Кларк, 1992], оно извлекает его из поля зрения соседей. Переворачиваются в позитивном ключе дисциплинарные механизмы, описанные М. Фуко [Фуко, 1999, с.190], с той лишь разницей, что «прокаженный» не изгонялся, а напротив, возвышался, делая таким образом «прокаженными» членов враждебной общины.

Образ летчика структурирует пространство. Примечательно, что авиатор вообще не обладает словом – в этом нет необходимости, он нужен авторам только как символ пограничного персонажа, в крайней степени отличного от земного, профанного. Пропасть между жизнью новых людей и людей бывших значительно увеличивается, новые должны жить в больших квартирах, взирать на просторы Родины с высоты полета аэроплана, место старых – в коммунальной квартире (которой они лишаются из-за пожара) или тюрьме. Подобное государствен-

ное регулирование, помимо прочего, было формой контроля и стратификации населения: «формирующаяся новая социальная иерархия, отражавшая дифференциацию общества по степени приближенности и мере служения власти, закрепила предоставление жилой площади повышенной комфортности», – пишет М.Г. Меерович [Меерович, 2008, с. 6].

В упоминаниях о летчике встречается достаточно продуктивный в 20–30-е годы мотив множющихся изображений, репрезентация летчика служит в этом плане значимым маркером коренных отличий между Героем и простыми смертными. Подобную картину, например, можно наблюдать в филателии, где изображения летчиков в сериях, посвященных Героям Советского Союза, распространяются по всей территории государства естественным путем, являясь платежным средством. В довоенный период тиражировались марки с изображениями В. Чкалова, М. Громова, С. Леваневского, Н. Каманина и др. Е. Добренко в главе «Топография сталинизма: сбыт и потребление преобразующихся дискурсов» [Добренко, 2007] описывает этапы трансформации сюжета почтовой марки, в котором авиация была одним из значимых тематических блоков, символизирующих трудовую героику 30-х.

Авиация является неизменным атрибутом описываемой эпохи, ее символом, а летчик – героем-бессребренником, человеком с «творческой сверхзадачей» [Гандлевский, 2004], стоящим на верхних ступенях иерархии, что характерно для ортодоксальной литературы 30-х, но соцреалистическая вертикаль проникает и в произведения явно иные в художественном смысле.

Итак, летчик не может снизойти до человека, позитивно не включенного в актуальную действительность. Причастность к этой стороне научно-технического прогресса является маркером, знаком для определения того, достоин ли человек стать частью «неведомой страны», где он будет иметь право на относительную индивидуальность, приватность, где он будет оберегаем и защищаем государством. Однако стоит отметить, что утопический мир «неведомой страны» противоречит потребностям реального живого человека, наделяет благами лишь идеального героя-авиатора, принадлежность которого к утопии подчеркивается его неосвязаемостью, явленной на уровне печатного слова, радиосообщения или изображения. Эта традиция выделения миссии авиатора и самого планера / самолета как инструмента гармонизации мира станет одной из самых устойчивых в советской ортодоксальной литературе [Накамура, 2015].

Библиографический список

1. Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке // Журнальный зал. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (дата обращения: 14.08.2017).
2. Булгаков М.А. Собачье сердце // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Веги». URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (дата обращения: 14.08.2017).
3. Гандлевский С. Странные сближения // Журнальный зал. 2004. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/10/gand8.html> (дата обращения: 15.08.2017).

4. Горький М. Песня о Соколе // Библиотека Максима Мошкова. 2017. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0015.shtml (дата обращения: 15.08.2017).
5. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
6. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Библиотека Максима Мошкова. 2009. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml (дата обращения: 15.08.2017).
7. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 83–93.
8. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
9. Ковтун Н. «Семейный вопрос» в советской литературе 1920–1930-х годов // Универсалии культуры. Красноярск: СФУ, 2009. Вып. 2: Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сб. науч. тр. С. 174–182.
10. Куляпин А., Скубач О. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
11. Меерович М.Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 гг. М., 2008. 303 с.
12. Накамура Т. Мечта о мире как органическом целом в литературе советского периода: анализ «Красной птицы» Ю. Казакова, «Дневных звездах» О. Бергольц и др. // Дальний Восток, Близкая Россия: Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии: сб. ст. Белград: Сеул: Сайтама, 2015. С. 119–134.
13. Одесский М.П. Советская газетная топка в романе «Золотой теленок» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12 (134). С. 86–100.
14. Островский А.Н. Гроза // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0060.shtml (дата обращения: 14.08.2017).
15. Подковырин Ю.В. Аксиологические параметры внешности героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок» // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск, 2008. Ч. 2. С. 50–55.
16. Подковырин Ю.В. Внешность героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Новый филологический вестник. 2007. № 1 (4). С. 190–199.
17. Толстой Л.Н. Война и мир // Библиотека Максима Мошкова. 2009. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/11/p.104/index.html> (дата обращения: 14.08.2017).
18. Франк С. Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // Новое литературное обозрение. 2011. С. 82–97.
19. Фуко М. Надирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. 478 с.
20. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.
21. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Академия наук СССР, 1963. 183 с.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

THE IMAGE OF THE PILOT IN THE SATIRICAL LITERATURE OF THE 1930S (ON THE BASIS OF THE MATERIAL OF THE NOVEL “THE GOLDEN CALF” BY I. ILF AND E. PETROV)

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem and purpose. The role and functions of the pilot's image in the Soviet satirical literature are analyzed in the article. The problem of constructing a mental map by means of an aviation text is also being updated. The purpose of the article is to identify ideologically significant features of the aviator's image, to define its functions in the framework of designing a new mental map of the young Soviet state.

The methodology of the research is comparative-historical, culturological, sociological and philosophical approaches.

Results. On the basis of the interdisciplinary analysis of aviation motifs, I. Ilf and E. Petrov's novel *The Golden Calf* (1931) revealed the main features of the pilot's image, the mechanisms for constructing the hero's image, and the most important function of aviation images - the structuring of space, both on the state and primitively household levels. In the article this opposition is designated as the antithesis of the “unknown country” where only “the new salt of the earth” deserves to live, and the communal apartment – “Crow's Slobodka”, which becomes a haven for “the former hosts of life” whose petty-bourgeois ideology does not correspond to” the party line”.

The conclusion. The author of the article suggests that the concept of the aviator's image suggested in this satirical novel fits into the general tendency of the socialist realism approach to constructing the image of the new superman within the framework of the period under study. It is worth noting that aviation motives are quite significant in the process of creating new ideas of space, as well as the representation of social stratification in literature and culture.

Key words: *aviation motives, aviator's image, mental map, Soviet literature, communal apartment, utopia, space poetics.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bezzubcev-Kondakov A. Nash chelovek v kommunalke // *Zurnal'nyj zal*. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
2. Bulgakov M.A. Sobach'e serdce // *Biblioteka russkoj religiozno-filosofskoj i hudozhestvennoj literatury «Vekhi»*. URL: <http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
3. Gandlevskij S. Strannye sbliženiya // *ZHurnal'nyj zal*. 2004. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/10/gand8.html> (data obrashcheniya: 15.08.2017).
4. Gor'kij M. Pesnya o Sokole *Biblioteka Maksima Moshkova*. 2017. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0015.shtml (data obrashcheniya: 15.08.2017).
5. Dobrenko E. *Politekhkonomiya socrealizma*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. 592 s.
6. Il'f I., Petrov E. *Zolotoj telenok* // *Biblioteka Maksima Moshkova*. 2009. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0130.shtml (data obrashcheniya: 15.08.2017).
7. Klark K. Stalinskij mif o «Velikoj sem'e» // *Voprosy literatury*. 1992. № 1. S. 83–93.
8. Kovtun N. «Semejnyj vopros» v sovetskoj literature 1920–1930-h godov // *Universalii kul'tury*. Vyp. 2. *Filosofiya – ehstetika – literatura: diskurs i tekst: sb. nauch. tr. Krasnoyarsk: SFU*, 2009. S. 174–182.

9. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaya proza nachala HKH veka (A. Bogdanov i A. Platonov) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 2 S. 129–140.
10. Kulyapin A., Skubach O. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj ehpoi M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 240 s.
11. Meerovich M.G. Nakazanie zhilishchem. ZHilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937 gg. M. 2008. 303 s.
12. Nakamura T. Mehta o mire kak organicheskom celom v literature sovetskogo perioda: analiz «Krasnoj pticy» YU. Kazakakova, «Dnevnyh zvezdah» O. Bergol'c i dr. // Dal'nij Vostok, Blizkaya Rossiya: EHvolyuciya russkoj kul'tury – vzglyad iz vostochnoj Azii. Sb. st. Belgrad, Seul, Saitama. 2015. S. 119–134.
13. Odesskij M.P. Sovetskaya gazetnaya topika v romane «Zolotoj telyonok» // Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2014. № 12 (134). S. 86–100.
14. Ostrovskij A. N. Groza // Biblioteka Maksima Moshkovo. URL: http://az.lib.ru/o/ostrovskij_a_n/text_0060.shtml (data obrashcheniya: 14.08.2017).
15. Podkovyrin YU.V. Vneshnost' geroev v romanah I. Il'fa i E. Petrova «Dvenadcat' stul'ev» i «Zolotoj telyonok» // Novyj filologicheskij vestnik. 2007. № 1 (4). S. 190–199.
16. Podkovyrin YU.V. Aksiologicheskie parametry vneshnosti geroev v romanah I. Il'fa i E. Petrova «12 stul'ev» i «Zolotoj telenok» // Hudozhestvennyj tekst : varianty interpretacii. – Bijsk, 2008. № 2. S. 50–55.
17. Tolstoj L.N. Vojna i mir // Biblioteka Maksima Moshkovo. 2009. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/11/p.104/index.html> (data obrashcheniya: 14.08.2017).
18. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. M.: «Ad Marginem». 1999. 478 s.
19. YAnovskaya L.M. Pochemu vy pishite smeshno? Ob I. Il'fe i E. Petrove, ih zhizni i ih yumore. M.: Akademiya nauk SSSR, 1963. 183 s.
20. EHtkind A. Fuko i tezis vnutrennej kolonizacii: Postkolonial'nyj vzglyad na sovetskoe proshloe // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 49. S. 50–74.
21. Frank S. Teplaya Arktika: k istorii odnogo starogo literaturnogo motiva // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. S. 82–97.

About the author

Tatiana A. Zagidulina – post-graduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, philological faculty, KSPU named after V.P. Astafyev; e-mail: zagi9@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи (кратко): постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформля-

ется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и транслитерация на латинице.
2. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.
2. Двучичанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций [Электронный ресурс] // Наука и образование: науч.-технич. издание. 2011. № 4. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

4. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.

5. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

6. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Key words (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskij spisok (Transliteration)

About the author

Alevtina G. Sidorova – PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail...

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2018. № 2 (2)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 19.04.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 7,5